

Илья Франк

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ БЫКА

Илья Михайлович Франк Прыжок через быка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9073270
Илья Франк. Прыжок через быка: Восточная книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-7873-0849-5

Аннотация

Почему, оказавшись между двух людей с одинаковыми именами, вы можете загадывать желание? На сей насущнейший вопрос и отвечает эта книга. Если же серьезно, то она рассказывает о зверином двойнике героя – в искусстве вообще и в литературе в частности.

Содержание

Вместо предисловия. Кошмар учителя литературы	5
Богиня подмигивает	6
В Москве, на берегу моря	8
Причудливы стези людские	11
Читал охотно Апулея	13
Морская роза	17
Снежная королева и улыбка Джоконды	24
Рыжелистая рябина	37
Зеленая дверь	45
Бабочка	60
В гостях у Белой Богини	66
Конец ознакомительного фрагмента.	79

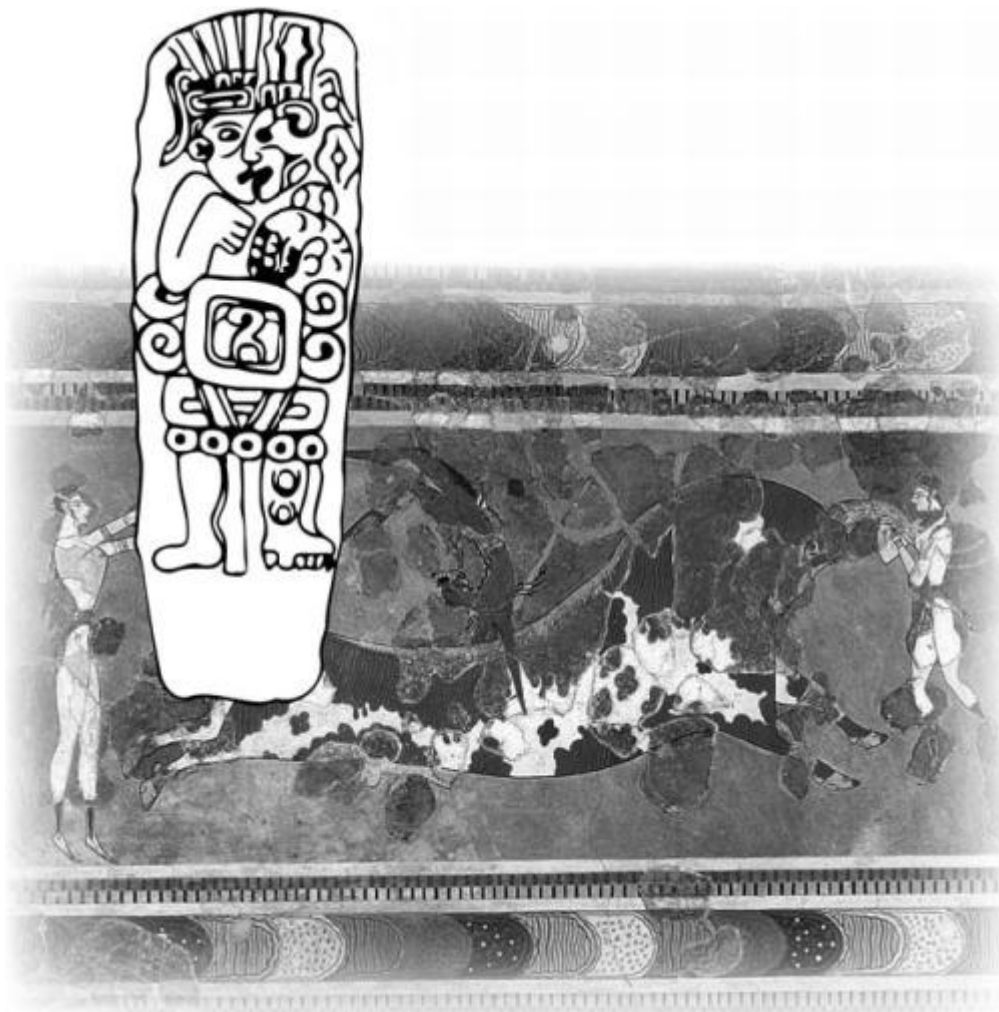
Илья Франк

Прыжок через быка

«Мне весьма приятно, что у меня есть идеи, которые я могу видеть глазами».

Гёте в разговоре с Шиллером, рассказывая об Urpflanze.¹

Посвящается моей дочери Анастасии, которая, сама того не ведая, была соавтором этой книги

© И. Франк, 2014

© ООО «Восточная книга», 2014

Вместо предисловия. Кошмар учителя литературы

Урок литературы, проходят «Войну и мир». Учитель смотрит на класс – и вдруг словно в глаз что-то попало. Он протирает глаза, смотрит на класс снова. О чудо! Где его ученики? Перед ним за партами сидят персонажи «Войны и мира». Только всем им по шестнадцать лет и все в школьной форме.

И тут-то учитель осознает всю тщету проекта: преподавать этим юношам и девушкам «Войну и мир». Совершенно ясно, что ни красавице Элен, ни красавцу Анатолю эта книга не нужна, хотя они и сидят на первой парте, сложив лапки, выпрямив спинки и выкатив глазки. Юного Кутузова интересует только развлекательное чтение, для отдохновения. Юный Наполеон листает под партой журнал «Юный техник». Масон о чем-то задумался, о чем-то далеком от предмета изучения, о чем-то глубоком. Юный старый князь Волконский нетерпеливо ерзает, его вообще все это раздражает. Попробуй рассказать ему о «непротивлении» или о том, что личность в истории роли не играет! Они с Наполеоном такой шум поднимут!

Николай Ростов – хороший парень, равно как и Денисов. Но видно, что на уроке они уже готовятся к перемене, которую хотят провести так, чтобы не было потом мучительно стыдно за бесцельно прожитые минуты.

То же на уме и у Наташи Ростовой. Вот княжна Марья... нет, ей нужно либо Священное Писание, либо что-то доброе, душевное. А книга начинается с лицемерий в светском салоне да с терзаний-сомнений неудачно женившегося человека!

Платон Каратаев сидит тихонько, поведение хорошее, но видно: думать ни о чем не собирается, все и так знает.

Только троим интересно: Пьеру Безухову, Андрею Болконскому (под вопросом) да Пете Ростову. Но это же невозможно, только трое! Что делать с остальными? Нужно, пожалуй, просто закрыть книгу и потихоньку ретироваться из класса. Тем более что – вон там, на задней парте – Тихон Щербатый как-то нехорошо улыбается...

Богиня подмигивает

Вот уже больше недели мысли мои занимает Изида – и как божество древней религии, и как женственный облик, являвшийся некоторым поэтам и художникам. Вчера вечером я, устав от наплыва этих мыслей, от многообразия «соответствий», решил: «Надо хотя бы на часок выбросить все это из головы и просто почитать прозу, отвлечься и успокоиться. А завтра уж сесть и начать писать об Изиде.

Изида. Расписанный рельеф из гробницы Сети I в Долине царей. XIX династия. Около 1360 года до н. э.

Читаю же я в данный момент замечательный роман австрийского писателя Артура Шницлера «Der Weg ins Freie» («Путь на волю») 1908 года. Я открываю роман на том месте, на котором остановился прошлый раз, и начинаю читать (с нового абзаца). И вот что мне попадает, судите сами:

«Когда Георг вошел к Эренбергам, комната была почти темной. За пианино светилась мраморная Изида, а в эркер, где сидели друг напротив друга мать и дочь, проникал сумеречный свет вечеряющего дня. В первый раз вид (Erscheinung) этих женщин показался Георгу чем-то странно трогательным. В нем возникло предчувствие, что, возможно, эта картина попадает ему на глаза сегодня в последний раз, а улыбка Эльзы вспыхнула ему навстречу столь болезненно и сладостно, что какое-то мгновение он думал: уж не здесь ли в конце концов было счастье?..»

Ну вот, приехали, что называется! Откладываю книгу и засыпаю. Утром просыпаюсь, под душем и за кофе думаю, как буду писать: что сначала, что потом. Сначала решаю написать про вчерашнее совпадение. Ведь тема «Изида» большая и жуткая, если же начать непарфосно, от какого-то конкретного случая, да еще и от себя – это и легче, и интересно в смысле

композиции. А вот следующую главу напишу об Изиде как Музе и связи ее с водой. Но я никогда не сажусь сразу после завтрака писать. У меня есть золотое правило: начинать день с небольшого отдыха. И вот я опять беру в руки роман Шницлера, начинаю читать – и через несколько абзацев натыкаюсь на следующее (композитор Георг, главный герой, беседует с другом о своем квинтете):

«Мне нравится в нем больше всего тема адажио».

Георг кивнул. «Ее я как-то услышал в Палермо».

«Как, – спросил Лео, – неужели это сицилийская мелодия?»

«Нет, она прошумела мне из морских волн, когда однажды утром я пошел погулять один по побережью...»

Какая, однако, настойчивость! Придется сесть и писать. Вот, сажу и пишу.

В Москве, на берегу моря

Нет человека, который не предавался бы каким-либо дневным грезам (daydreaming). Кто-то, задумавшись в метро, видит себя в кресле начальника, кто-то за завтраком видит, как он наказывает преступников или даже совершает мировую революцию, кто-то, отведя взгляд от бумаг в офисе, видит себя в объятиях гурии или даже гурий... И тому подобное. И все же в наших обычных грезах наяву, сколь бы живо мы ни представляли желаемое (а бывает, что и нежелаемое – то, чего боимся), это именно представления, а не видения. А вот у меня есть опыт грезы-видения. Нечто, так сказать, «соткалось из воздуха», как сказано у Михаила Булгакова в «Мастере и Маргарите».

Честно говоря, мне не очень хочется об этом рассказывать (я чувствую, что что-то нарушаю, мне как-то немного не по себе), но все же расскажу, поскольку без этого рассказа не получится рассказать и все остальное, что задумано.

Это нечто соткалось передо мной из воздуха в 1983 году (мне было 20 лет), в Москве, поздней осенью. Я увидел море и на его фоне – облик женщины. Пахло водорослями и другими острыми ароматами, как бывает на берегу после шторма. Кроме того, я видел выброшенного на берег дельфина. Затем вся эта картина начала как бы разлагаться, расплзаться (включая женственный облик), и это было одновременно жутко и сладостно.

Казалось бы: ну и что в этом такого? Часть детства я провел в Крыму, в Гурзуфе, часто видел и шторм, и выброшенных на берег дельфинов. Нетрудно найти объяснение и тому, почему молодому человеку грезится женщина. Можно это все вообще истолковать как тоску по половому акту, где дельфин представляет пенис, а морская вода – сперму.

Как известно, по греческому мифу (согласно «Теогонии» Гесиода), Афродита родилась около острова Кифера из семени и крови оскотенного Кроносом Урана, которая попала в море и образовала белоснежную пену (отсюда прозвище «пенорожденная»). Вот эта остро сюжетная история, которую почему-то не рассказывают детям в средней школе:

Ночь за собою ведя, появился Уран,² и возлег он
Около Геи,³ пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын⁴ протянул из засады, а правой, схвативши огромный
Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным размахом.
И не бесплодно из Кроновых рук полетел он могучих:
Сколько на землю из члена ни вылилось капель кровавых,
Все их земля приняла. А когда обернулись годы,
Мощных Эринний⁵ она родила и великих Гигантов
С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих,
Также и нимф, что Мелиями мы на земле называем.
Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,

² Уран – древнегреческий бог неба.

³ Гея – древнегреческая богиня земли, супруга Урана.

⁴ Здесь имеется в виду Кронос – сын Урана и Геи, после победы над отцом – верховный бог, правитель Олимпа.

⁵ Эриннии – древнегреческие богини мести. В римской мифологии им соответствуют фурии.

После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою —
Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой,
«Пенорожденной», еще «Кифереей» прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
«Кипророжденной», — что в Кипре, омытом волнами, родилась.⁶

Афродита — не только богиня любви (точнее: любовной страсти, поскольку нежная привязанность ей не свойственна), но и морская богиня, часто сопровождаемая дельфином.

Но было бы неверно утверждать, что в моем видении проступила данная информация. По одной простой причине: я тогда ею не обладал. Хотя я и учился в то время на филологическом факультете Московского университета, подобные материи меня совершенно не интересовали. А заинтересовали как раз после очной ставки с Афродитой.

Можно и физиологически все объяснить: бывает такое состояние, что человек как бы проваливается в самого себя, его «сознание» опускается по позвоночнику из головы к солнечному сплетению и животу. Этот спуск грезится как погружение в мир вод, в морскую пучину. Тут-то и происходит встреча с Анимой (по Юнгу), с богиней моря, с «Хозяйкой леса / зверей», с Бабой-ягой (образ амбивалентен, двойственен, как образ Бабы-яги в сказке — она может помочь, может и погубить). Часто это женское лицо (или эта женская фигура) действительно выступает на фоне воды (что тоже неудивительно, ведь сознание погружается, расплывается, расплзается).

Сандро Боттичелли. Рождение Венеры. 1482–1486 годы

Иными словами, мало ли что тебе привиделось! Надо вести здоровый образ жизни!

Но есть два момента, ради которых можно пожертвовать даже здоровым образом жизни.

⁶ Перевод В. В. Вересаева.

Во-первых, я увидел то, что в свое время увидел древний грек: соткавшуюся из воздуха богиню Афродиту с дельфином. И я лично понял, как возникает миф – он возникает из видения. И если бы не было никакой Древней Греции или если бы древнегреческая мифология не сохранилась, я бы ее все равно увидел. Пусть даже все это объясняется физиологически, пусть все это существует лишь внутри меня – все равно прикольно!

Во-вторых, я ведь не случайно начал наш разговор с «улыбки богини». Не подумайте, что совпадения, о которых я написал, всего лишь литературный прием. Это правда, я так живу. А значит, все это существует не только внутри меня, как видение, но и вовне.

Видение было не только очень сильным, поражающим до глубины души, но и настолько важным, коренным, что определило мою последующую жизнь. Во-первых, внутренне: после него я по-особому начал чувствовать слова – и начал писать стихи (собственно, мое первое стихотворение было об этом, его я потом выбросил и не помню наизусть), а затем (в том же 1983 году) и ту книгу, которую дописал только в 2012 году («Портрет слова»). До этой «встречи с Музой» у меня и в мыслях не было что-либо писать, не было вообще особенного интереса к литературе. Во-вторых, внешне: жизнь предстала передо мной как художественная композиция, элементы которой не случайны, а значимы, причем они передают информацию, предназначенную именно мне. Психическое отклонение? Паранойя? Но ведь то, что я рассказал в первой главе про совпадения, правда. Интересно и то, что чем внимательнее я отношусь к таким вещам, тем чаще они повторяются (продолжал свой рассказ сумасшедший). Тем прямее и интенсивнее становится мой разговор с богиней. Если это звучит жутковато, назовем ее Музой. Но важно понимать: речь идет не только о музе литературного творчества, но и о музе жизни. В тот же момент, в который я почувствовал, как чудесным образом сами (почти без моего участия) соединяются слова и образы на бумаге, я ощутил эти соединения (или, как сказали бы символисты, «соответствия», или, как сказали бы китайцы, «дао», или, как сказали бы христиане, «промысел Божий») в самой жизни. Все, что случается со мной и вокруг меня, предстает мне как волны единого моря. (Красиво сказано, не правда ли? Я это украл у кого-то из суфиев – не помню, у кого именно.)

Причудливы стези людские

Продолжаю читать роман Шницлера. Георг едет с Анной, своей возлюбленной (которая ждет от него ребенка, но на которой он все никак не может решиться жениться), в Италию – и приходит в дом, где ухаживал когда-то за своей больной матерью и где та умерла:⁷

«Поскольку второй этаж сдавался, Георг легко мог бы посетить комнату, в которой умерла его мать. Но он долго колебался, прежде чем пойти в эту квартиру. И только в день перед отъездом, так, словно ему все же нельзя было это упустить, и один, даже ничего не сказав об этом Анне, он вошел в дом и прошел по лестнице в комнату. Постаревший привратник провел его, не узнав. Всюду была еще та же самая мебель; спальня матери выглядела точно так же, как десять лет назад, и в том же углу, из коричневого дерева, накрытая темно-зеленым бархатным одеялом, вышитым серебром, стояла та же кровать. Но ничего из того, что ожидал Георг, в нем не шевельнулось. Усталое воспоминание, более неглубокое и тусклое, чем когда-либо, пробежало через его душу. Он долго простоял перед кроватью с ясно осознанной волей вызвать в себе те ощущения, которые он чувствовал себя обязанным ощутить. Он пробормотал слово “мама”, он попытался представить себе, как она здесь лежала, в этой кровати, на протяжении многих дней и ночей. Он вспоминал о часах, когда она чувствовала себя лучше и он мог почитать ей вслух или поиграть для нее в соседней комнате на пианино, увидел стоящий в углу круглый столик, за которым тихо разговаривали отец с Фелицианом, потому что мать только что задремала; и наконец, подобно сцене, разыгрываемой в театре, столь же близко и резко, возникла в нем картина того страшного вечера, когда отец с братом ушли, сам же он, совершенно один, сидел у ложа матери, держа ее руку в своей... он все увидел и услышал снова: как она вдруг, после очень спокойного дня, ощутила сильное недомогание, как он распахнул дверные створки и как с теплым мартовским воздухом в комнату проникли смех и речь посторонних людей, как она, наконец, лежала тут, с открытыми и уже угасшими глазами, как волосы, которые еще несколько секунд назад волнисто обтекали лоб и виски, застыли на подушке, спутанные и сухие, и как левая рука свисала, обнаженная, через край кровати, с широко разведенными судорогой пальцами. С такой чудовищной живостью возникла перед ним эта картина, что он, духовным взором, вновь увидал свое мальчишеское лицо и вновь услышал свой плач, смолкший давным-давно... но он не ощущал никакой боли. С тех пор прошло ведь много времени. Десять лет почти.

“E bellissima la vista di questa finestra⁸”, сказал неожиданно привратник, стоявший за ним, и отворил окно; вдруг, как в тот давно минувший вечер, снизу зазвучали голоса людей. И в то же мгновение в ушах у него возник голос матери, таким, каким он слышал его тогда, умоляющий, прерывающийся... “Георг... Георг”... и из темного угла, с того места, где прежде лежали подушки, он увидел, как ему навстречу мерцает что-то

⁷ Текст даю в дословном переводе.

⁸ Прекрасный вид из этого окна (итал.)

бледное. Он подошел к окну и подтвердил: “Bellissima vista”. Но прекрасный вид был словно покрыт темной вуалью. “Мама (Mutter)”, пробормотал он, и еще раз: “Мама”... но имел при этом в виду, к своему удивлению, не давно погребенную, которая его родила; слово было предназначено той другой, которая еще не была матерью и которая должна была стать ею через несколько месяцев... матерью ребенка, отцом которого был он. И вот это слово внезапно прозвучало так, словно звучало нечто никогда не слышанное, никогда не понимаемое, словно какие-то таинственно поющие колокола, раскачиваясь, сопровождали его в даль будущего. И Георг устыдился, что он поднялся в комнату один, словно проник в нее украдкой. Теперь он даже не сможет рассказать Анне, что здесь побывал».

Если у вас в жизни не бывает подобных ощущений, подобных соединений, «соответствий» – как в пространстве, так и во времени, то вам, видимо, не стоит читать то, что я пишу. А если бывают, то, так сказать, добро пожаловать в клуб.

Новалис начинает повесть «Ученики в Саисе» (посвященную Изиде – но не просто древней богине, а такой Изиде, какой она действительно является своим любимцам) следующим образом:

«Причудливы стези людские. Кто наблюдает их в поисках сходства, тот распознает, как образуются странные начертания, принадлежащие, судя по всему, к неисчислимым, загадочным письмам, приметным повсюду: на крыльях, на яичной скорлупе, в тучках, в снежинках, в кристаллах, в камнях различной формы, на замерзших водах, в недрах и на поверхности гор, в растительном и животном царстве, в человеке, в небесных огнях, в расположении смоляных и стеклянных шариков, чувствительных к прикосновению, в металлических опилках вокруг магнита и в необычных стечениях обстоятельств. Кажется, вот-вот обретишь ключ к чарующим письмам, постигнешь этот язык, однако смутное чаянье избегает четких схем, как бы отказывается отлиться в ключ более совершенный. Наши чувства как бы пропитаны всеобщим растворителем. Лишь на мгновение твердеют наши влечения и помыслы. Таково происхождение чаяний, однако слишком быстро все тает вновь, как прежде, перед взором».

А заканчивается повесть Новалиса (вернее, тот фрагмент, что он успел написать) словами о тех, кому Изида открылась и кто продолжает в нее всматриваться:

«Никто не ведает, когда кому суждено приобщиться к сокровенному. Бывают удачи в молодости, бывают прозренья на склоне лет. Старость не грозит настоящему искателю, вечный порыв никогда не ограничивается человеческим веком; внешность изнашивается, но тем ярче, блистательнее и самовластнее внутреннее сияние. Подобные дарования не сопряжены ни с красивой наружностью, ни с физической мощью, ни с пронизательностью, ни с какими другими людскими достоинствами. Невзирая на происхождение, на пол, на лета, на эпоху и климат, удостаивает природа своей благосклонности некоторых людей, чья душа блаженствует, оплодотворенная».

Читал охотно Апулея

Интересный вопрос: кто из поэтов действительно имел видение Музы, а кто писал о Музе просто в рамках поэтической традиции, то есть как об одушевленном, персонифицированном вдохновении? Правда ли видел, например, Пушкин Музу или это для него всего лишь образ?

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: Муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Далеко не все готовы рассказать о подобном свидании прямо – из целомудрия.

Однако тот, кто имел подобный опыт «реальной» встречи с Музой (или, скажем, с Бабой-ягой), имеет и возможность почувствовать, насколько «реальна» была встреча у другого. В приведенной выше строфе из восьмой главы «Евгения Онегина» слова «близ вод», «при кликах лебединых» и «вдруг озарилась» говорят мне о «реальности» (беру это слово в скобки, так как речь идет все же о видении). Но, с другой стороны, эти слова могли возникнуть у Пушкина и подспудно. Вообще говоря, происходит встреча с Музой «реально» или подспудно – настолько ли это важно? Тем более что подспудная встреча может дать гораздо более сильный творческий результат, чем «реальная».

Но Пушкина мы на этом еще не отпускаем. К нему еще есть вопросы. Читал, видите ли, Апулея...

Римский писатель Апулей (II век н. э.) в последней книге романа «Метаморфозы» приводит воззвание своего главного героя Луция, превращенного в осла, к Изиде⁹ о помощи: «Совлеки с меня образ дикий четвероногого животного...» И богиня является Луцию во сне и помогает (говорит, что именно надо делать). Вот это знаменитое описание явления Изиды:

«Излив таким образом душу в молитве, сопровождаемой жалобными воплями, снова опускаюсь я на прежнее место, и утомленную душу мою обнимает сон. Но не успел я окончательно сомкнуть глаза, как вдруг из середины моря медленно поднимается божественный лик, самым богам внушающий почтение. А затем, выйдя мало-помалу из пучины морской, лучезарное изображение всего тела предстало моим взорам. Попытаюсь

⁹ Изида (Исида) – первоначально египетская богиня, олицетворяющая плодородие Нильской долины, позднее – также богиня Луны. С распространением ее культа за пределы Египта ее постепенно отождествляют с самыми разнообразными божествами, и, наконец, в глазах своих многочисленных почитателей она становится верховной владычицей всего сущего. (Комментарий, как и сам текст, взят из издания романа в серии «Литературные памятники» 1956 года).

передать и вам дивное это явление, если позволит мне рассказать бедность слов человеческих или если само божество ниспошлет мне богатый и изобильный дар могучего красноречья.

Прежде всего густые длинные волосы, незаметно на пряди разобранные, свободно и мягко рассыпались по божественной шее; самую макушку окружал венок из всевозможных пестрых цветов, а как раз посредине, надо лбом, круглая пластинка излучала яркий свет, словно зеркало или, скорее, верный признак богини Луны. Слева и справа круг завершали извивающиеся, тянущиеся вверх змеи, а также хлебные колосья¹⁰, надо всем приподнимавшиеся... многоцветная, из тонкого виссона, то белизной сверкающая, то, как шафран, золотисто-желтая, то пылающая, как алая роза. Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ¹¹, отливавший темным блеском. Обвившись вокруг тела и переходя на спине с правого бедра на левое плечо, как римские тоги, он свешивался густыми складками, а края были красиво обшиты бахромой.

Вдоль каймы и по всей поверхности плаща здесь и там вытканы были мерцающие звезды, а среди них полная луна излучала пламенное сияние. Там же, где волнами ниспадало дивное это покрывало, со всех сторон была вышита сплошная гирлянда из всех цветов и плодов, какие только существуют. И в руках у нее были предметы, один с другим совсем несхожие. В правой держала она медный погремок, узкая основа которого, выгнутая в кольцо, пересекалась тремя маленькими палочками, и они при встряхивании издавали все вместе пронзительный звон. На левой же руке висела золотая чаша в виде лодочки¹², на ручке которой, с лицевой стороны, высоко подымал голову аспид с непомерно вздутой шеей. Благонные стопы обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев¹³. В таком-то виде, в таком убранстве, дыша ароматами Аравии счастливой, удостоила она меня божественным вещанием:

Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества¹⁴, зовут меня Пессинунтской матерью богов¹⁵, тут исконные обитатели Аттики – Минервой Кекропической¹⁶, здесь кипряне,

¹⁰ Змеи, хлебные колосья – атрибуты Цереры.

¹¹ Черный плащ мог быть эмблемой Луны, часть которой всегда покрыта тенью, подземной богини Прозерпины или оплакивающей Прозерпину Цереры.

¹² ...чаша в виде лодочки... Корабль был священным символом Исиды – богини моря и покровительницы мореплавателей. Возможно также, что он символизировал разливы Нила.

¹³ ...победных пальмовых листьев. Пальма – эмблема победы.

¹⁴ ...фригийцы, первенцы человечества... Намек на знаменитый рассказ о египетском фараоне Псамметихе, который, желая установить, какое из человеческих племен самое древнее, приказал, чтобы двое новорожденных мальчиков были изолированы от людей и выкормлены козами. Первым словом, сказанным этими детьми, было «бекос» – «хлеб» по-фригийски. Это убедило фараона, что самый древний народ на земле – фригийцы.

¹⁵ Пессинунт – древний город Малой Азии: здесь чтит азиатскую богиню Кибелу, которая была отождествлена с Реей, великой матерью богов.

¹⁶ ...Минервой Кекропической... Минерва (Афина), покровительница Афин, называется по имени Кекропа,

морем омываемые, – Пафийской Венерой, критские стрелки – Дианой Диктинской¹⁷, трехязычные сицилийцы¹⁸ – Стигийской¹⁹ Прозерпиной²⁰, элевсинцы – Церерой²¹, древней богиней, одни – Юноной²², другие – Беллоной²³, те – Гекатой²⁴, эти – Рамнузией²⁵, а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца²⁶, арии и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем – царственной Изидой. Вот я пред тобою, твоим бедам сострадая, вот я, благожелательная и милосердная. Оставь плач и жалобы, гони прочь тоску – по моему промыслу уже занимается для тебя день спасения. Слушай же со всем вниманием мои наказы».

Луций исполняет все наказы Изиды, превращается обратно в человека, затем становится адептом культа богини, проходит посвящение, в результате чего (как он сообщает) жизнь его складывается благополучно и он достигает успеха в делах: «И, клянусь Геркулесом, не пожалел я о хлопотах и издержках: по щедрому промыслу богов, выступления в суде стали приносить мне изрядный доходец». Я думаю, что эти слова нужно воспринимать не как буквальную радость Апулея по поводу его адвокатской деятельности (в последней главе становится ясно, что он говорит уже не столько о Луции, сколько о себе), а как его шутку. Дело не в успехе, а в том, что посвященность дает чувство радости, которая нет-нет да и пробьется наружу в виде веселой шутки, смеха.

Это свойственно, кстати сказать, и Пушкину. Это по-пушкински. Веселое имя – Пушкин, как сказал Блок в статье «О назначении поэта»:

«Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это легкое имя: Пушкин».

В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет Божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,

легендарного основателя и первого царя Афин.

¹⁷ Диктинна – Артемида, которой критское предание приписывало изобретение рыбацких сетей (сети – по-гречески «диктьюон»).

¹⁸ Трехязычные сицилийцы – говорящие на местном сицилийском наречии, по-гречески и по-латыни.

¹⁹ Лета и Стикс – река в царстве мертвых и ручей с водопадом в Аркадии, вода которого считалась смертельной.

²⁰ Прозерпина – богиня и царица подземного царства.

²¹ Церера – древнеримская богиня урожая и плодородия (греч. Деметра).

²² Юнона (Гера) – сестра и супруга верховного бога Юпитера (Зевса).

²³ Беллона – каппадокийская богиня войны, фанатичный и кровавый культ которой был перенесен в Рим.

²⁴ Геката (древнегреческая богиня колдовства) отождествлялась с Прозерпиной-Персефоной.

²⁵ Рамнузия (Немезида) – богиня справедливого возмездия, главный храм которой находился в аттическом селении Рамнунт.

²⁶ ...Эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца... По представлению древних, Эфиопия была сказочной страной и простиралась к востоку и западу от Нила.

Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.

Узнаете? Царевна Лебедь из «Сказки о царе Салтане». И, конечно же, Изида. И сама вышла из воды, и речь у нее водяная. У апулеевой Изиды надо лбом – излучающая яркий свет круглая пластинка-зеркало, у пушкинской – «во лбу звезда горит».

Афродита на лебеде. Изображение на чаше. Около 475 года до н. э.

Это понятно: читал Апулея, а когда писал сказку, вспомнил. Но почему мелькнул Апулей в тех строках романа «Евгений Онегин», где речь шла о явлении Музы?

Одно из двух: либо Пушкин имел очную встречу с Изидой и, говоря о Музе, специально приплел Апулея (не надеясь, конечно, что читатель разберется в шифре, а просто для себя самого), либо он сделал это подспудно, неосознанно. Тогда это улыбка (или подмигивание) богини.

Морская роза

Итак, Изида (она же Муза) появляется, возникает из воды. Во всяком случае на фоне воды, в связи с водой. Вот, кстати, еще из «Евгения Онегина»:

Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,²⁷
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн Отцу миров.

Почему, собственно говоря, из воды?

Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим еще два видения. Я почти уверен, что реальное видение Музы было у Артюра Рембо. Вот его стихотворение «Офелия, 1870 года (поэту 15 лет). Я узнаю здесь и свою картинку (по женскому образу, разлагающемуся в воде, а также по некоторым деталям описания):

1
По черной глади вод, где звезды спят беспечно,
Огромной лилией Офелия плывет,
Плывет, закутана фатою подвенечной.
В лесу далеком крик: олень замедлил ход.

По сумрачной реке уже тысячелетье
Плывет Офелия, подобная цветку;
В тысячелетие, безумной, не допеть ей
Свою невнятицу ночному ветерку.

Лобзая грудь ее, фатою прихотливо
Играет бриз, венком ей обрамляя лик.
Плакучая над ней рыдает молча ива.
К мечтательному лбу склоняется тростник.

Не раз пришлось пред ней кувшинкам расступиться.
Порою, разбудив уснувшую ольху,
Она вспугнет гнездо, где встрепенется птица.
Песнь золотых светил звенит над ней, вверху.

²⁷ Нереида (в греческой мифологии) – морская нимфа, дочь морского божества Нерей.

2

Офелия, белей и лучезарней снега,
Ты юной умерла, унесена рекой:
Не потому ль, что ветер норвежских гор с разбега
О терпкой вольности шептаться стал с тобой?

Не потому ль, что он, взвевая каждый волос,
Нес в посвисте своем мечтаний дивных сев?
Что услышала ты самой Природы голос
Во вздохах сумерек и жалобах деревьев?

Что голоса морей, как смерти хрип победный,
Разбили грудь тебе, дитя? Что твой жених,
Тот бледный кавалер, тот сумасшедший бедный,
Апрельским утром сел, немой, у ног твоих?

Свобода! Небеса! Любовь! В огне такого
Виденья, хрупкая, ты таяла, как снег;
Оно безмерностью твое глушило слово —
И Бесконечность взор смутила твой навек.

3

И вот Поэт твердит, что ты при звездах ночью
Сбираешь свой букет в волнах, как в цветнике.
И что Офелию он увидал воочью
Огромной лилией, плывущей по реке.²⁸

²⁸ Перевод Б. Лившица.

Джон Эверетт Милле. Офелия. 1852 год

Второе видение – Джеймса Джойса, из повести «Портрет художника в юности». Я его уже приводил в книге «Портрет слова», но приведу еще раз, это важно:

«Он был один. Отрешенный, счастливый, коснувшийся пьяного средоточия жизни. Один – юный, дерзновенный, неистовый, один среди пустыни пьянящего воздуха, соленых волн, выброшенных морем раковин и водорослей, и дымчато-серого солнечного света, и весело и радостно одетых фигур детей и девушек, и звучащих в воздухе детских и девичьих голосов.

Перед ним посреди ручья стояла девушка, она стояла одна, не двигаясь, глядела на море. Казалось, какая-то волшебная сила превратила ее в существо, подобное невиданной прекрасной морской птице. Ее длинные, стройные, обнаженные ноги, точеные, словно ноги цапли – белее белого, только прилипшая к ним изумрудная полоска водорослей метила их как знак. Ноги повыше колен чуть полнее, мягкого оттенка слоновой кости, обнажены почти до бедер, где белые оборки панталон белели, как пушистое оперение. Подол серо-синего платья, подобранный без стеснения спереди до талии, спускался сзади голубиным хвостом. Грудь – как у птицы, мягкая и нежная, нежная и мягкая, как грудь темнокрылой голубки. Но ее длинные светлые волосы были девичьи, и девичьим, осененным чудом смертной красоты, было ее лицо.

Девушка стояла одна, не двигаясь, и глядела на море, но когда она почувствовала его присутствие и благоговение его взгляда, глаза ее обратились к нему спокойно и встретили его взгляд без смущения и вызова. Долго, долго выдерживала она этот взгляд, а потом спокойно отвела глаза и стала смотреть вниз на ручей, тихо плеская воду ногой – туда, сюда. Первый легкий звук тихо плещущейся воды разбудил тишину, чуть

слышный, легкий, шепчущий, легкий, как звон во сне, – туда, сюда, туда, сюда, – и легкий румянец задрожал на ее щеках.

“Боже милосердный!” – воскликнула душа Стивена в порыве земной радости.

Он вдруг отвернулся от нее и быстро пошел по отмели. Щеки его горели, тело пылало, ноги дрожали. Вперед, вперед, вперед уходил он, неистово распевая гимн морю, радостными криками приветствуя кликнувшую его жизнь.

Образ ее навеки вошел в его душу, но ни одно слово не нарушало священной тишины восторга. Ее глаза позвали его, и сердце рванулось навстречу этому призыву. Жить, заблуждаться, падать, торжествовать, воссоздавать жизнь из жизни. Огненный ангел явился ему, ангел смертной красоты и юности, посланец царств пьянящей жизни, чтобы в единый миг восторга открыть перед ним врата всех путей заблуждения и славы. Вперед, все вперед, вперед, вперед!

Он внезапно остановился и услышал в тишине стук собственного сердца. Куда он забрел? Который теперь час?

Вокруг него ни души, не слышно ни звука. Но прилив уже возвращался, и день был на исходе. Он повернул к берегу и побежал вверх по отлогой отмели, не обращая внимания на острую гальку; в укромной ложбинке, среди песчаных холмов, поросших пучками травы, он лег, чтобы тишина и покой сумерек утихомирили бушующую кровь.

Он чувствовал над собой огромный равнодушный купол неба и спокойное шествие небесных тел; чувствовал под собой ту землю, что родила его и приняла к себе на грудь.

В сонной истоме он закрыл глаза. Веки его вздрагивали, словно чувствуя вышнюю упорядоченную энергию земли и ее стражей, словно ощущая странное сияние какого-то нового, неведомого мира. Душа его замирала, падала в этот новый мир, мир фантастический, туманный, неясный, словно мир подводных глубин, где двигались смутные существа и тени. Мир – мерцание или цветок? Мерцая и дрожа, дрожа и распускаясь вспыхивающим светом, раскрывающимся цветком, разворачивался мир в бесконечном движении, то вспыхивая ярко-алым цветком, то угасая до белейшей розы, лепесток за лепестком, волна света за волной света, затопляя все небо мягкими вспышками одна ярче другой. Уже стемнело, когда он проснулся, песок и чахлая трава его ложа теперь не переливались красками. Он медленно встал и, вспомнив восторг, который пережил во сне, восхищенно и радостно вздохнул».

«Долго, долго выдерживала она этот взгляд, а потом спокойно отвела глаза» – точно так же было со мной! Удивительно совпадение именно мелких, неочевидных подробностей.

Заметьте, что у Джойса девушка напоминает птицу, как бы превращается в Леду: «белые оборки панталон белели, как пушистое оперение» и т. д. С Ледой мы еще встретимся.

Изида возникает из воды потому, что вода означает смерть. «Воды смерти», как говорится в шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше. Гильгамеш в поисках бессмертия отправляется к Утнапишти – человеку, которому удалось стать бессмертным, и встречает на пути «хозяйку богов»:

Сидури – хозяйка богов, что живет на обрыве у моря,
Живет она и брагой их угощает:

Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу, —
Покрывалом покрыта, незрима людям.
Гильгамеш приближается к ее жилищу,
Шкурой одетый, покрытый прахом,
Плоть богов таится в его теле,
Тоска в утробе его обитает,
Идущему дальним путем он лицом подобен.
<...>

«Теперь, хозяйка, — где путь к Утнапишти?»²⁹

Каков его признак, — дай его мне ты,
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»
Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,
И не мог переправиться морем никто, здесь бывавший издревле,
—
Шамаш-герой³⁰ переправится морем, —
Кроме Шамаша, кто это может?
Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
А что, Гильгамеш, переправившись морем, —
Вод смерти достигнув, — ты будешь делать?»

А вот «воды смерти» в стихотворении Тютчева «Последний катаклизм» (вполне языческим):

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

Все разрушается, возвращается в «первооснову жизни» (Мандельштам). И тогда в этой первооснове, как в зеркале, отражается божество. И из первоосновы начинает появляться, рождаться новый мир. Мир явлений. Мертвая Офелия вдруг становится Офелией-лилией.

Если в старом мире связи между явлениями были нарушены, повреждены, разорваны, то в этом новом мире явления помнят о своем родстве через первооснову. Они подобны лепесткам единого распускающегося цветка — розы: «Мерцающая и дрожа, дрожа и распускаясь вспыхивающим светом, раскрывающимся цветком, развертывался мир в бесконечном движении, то вспыхивая ярко-алым цветком, то угасая до белейшей розы, лепесток за лепестком, волна света за волной света, затопляя все небо мягкими вспышками одна ярче другой». Роза — символ Изиды. И Луций-осел, чтобы вернуться в человеческое обличье, должен пожевать

²⁹ Утнапишти[м] (шумер. Зиусудра) — мифический царь древнего шумерского города Шуриппака, переживший потоп. Имя «Ута-напишта» (так первоначально) значит: «Я нашел жизнь». (Комментарии — из книги «Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии». М., 1981.)

³⁰ Шамаш (шумер. Утэ) — всевидящий бог Солнца, небесный судья и защитник справедливости, покровитель предсказателей и гадателей.

розу. Беда только в том, что на протяжении всего романа ему никак это не удастся, пока не помогает Изида. (Кстати, чувствуете веселье писателя?)

Ну и, конечно, для того, кто пожевал розу, не только явления, но и слова помнят о первооснове, о «ненарушаемой связи всего живого», как говорится об этом в стихотворении Мандельштама «Silentium»:

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день.
И пены бледная сирень
В черно-лазореваем сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

Сравните:

А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.

Удастся достать морскую розу и Гильгамешу (по подсказке Утнапишти):

«Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился, —
Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься?
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как тёрн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколут.
Если этот цветок твоя рука достанет, —
Будешь всегда ты молод».
Когда Гильгамеш услышал это,
Открыл он крышку колодца,
Привязал к ногам тяжелые камни,
Утянули они его в глубь Океана.
Он схватил цветок, уколол свою руку;
От ног отрезал тяжелые камни,

Вынесло море его на берег.

Снежная королева и улыбка Джоконды

У Новалиса (Фридрих фон Гарденберг, 1772–1801), одного из первых романтиков, 19 марта 1797 года умерла от чахотки пятнадцатилетняя невеста, София фон Кюн. Около гробницы Софии Новалис однажды пережил нечто совершенно особенное, что не только заставило его отказаться от мысли последовать за Софией в смерть, но и стало основным вдохновением всего его творчества. А именно: могильный холм превратился в облако пыли, в котором Новалису явилась его невеста – «просветленный лик любимой». Вот как он пишет об этом в «Гимнах к ночи» (гимн третий):

«Однажды, когда я горькие слезы лил, когда, истощенная болью, иссякла моя надежда и на сухом холме, скрывавшем в тесной своей темнице образ моей жизни, я стоял – одинокий, как никто еще не был одинок, неизъяснимой боязнью гонимый, измученный, весь в своем скорбном помысле, – когда искал я подмоги, осматриваясь понапрасну, не в силах шагнуть ни вперед, ни назад, когда в беспредельном отчаянье тщетно держался за жизнь, ускользающую, гаснущую: тогда ниспослала мне даль голубая с высот моего бывшего блаженства пролившийся сумрак – и сразу расторглись узы рожденья, оковы света. Сгинуло земное великолепье вместе с моею печалью, слилось мое горе с непостижимою новой вселенной – ты, вдохновенье ночное, небесною дремой меня осенило; тихо земля возносилась, над нею парил мой новорожденный, не связанный более дух. Облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветленный лик любимой. В очах у нее опочила вечность, – руки мои дотянулись до рук ее, с нею меня сочетали, сияя, нерасторжимые узы слез. Тысячелетия канули вдаль, миновав, словно грозы. У ней в объятьях упился я новою жизнью в слезах. – Это пригрезилось мне однажды и навеки, и с тех пор я храню неизменную вечную веру в небо Ночи, где светит возлюбленная».

Казалось бы, в таком видении нет ничего исключительного: когда у кого-либо умирает любимый человек, подобные галлюцинации нередки: ощущают присутствие умершего, даже слышат его зовущий, окликающий голос. Однако интересно, что подобное явление женского образа в дневной грезе вовсе не обязательно связано со смертью любимого существа, вообще с конкретным человеком. Так, философу Владимиру Соловьеву (1853–1900) – с которого в основном и началось «новое религиозное сознание» в России рубежа XIX и XX веков – в мистическом видении открылась София – Премудрость Божья, Душа Мира. Она являлась ему трижды (первый раз – в детстве), во время второго своего появления она приказала ему: «В Египте будь!» (кстати, на родине Изиды). Он отправился в Египет, где состоялась его третья встреча с Софией – в пустыне под Каиром между 25 и 27 ноября 1875 года. Соловьев написал обо всем об этом в поэме «Три свидания». Вот маленький отрывок из нее:

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки —
Всё обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,

И дальний лес, и выси снежных гор.

Всё видел я, и всё одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

Как бы то ни было, подобная встреча становится возможной лишь тогда, когда человек, так сказать, «дошел до точки»: «не в силах шагнуть ни вперед, ни назад». И вот тут возможна «шоковая терапия», более того, его надо умертвить и потом оживить, как героя сказки. В этом, как известно, и заключается суть обряда посвящения — как в племенах первобытного образа жизни (что и отразилось в народной сказке), так и в обряде Изиды. Вот что говорит об этом Апулей (надо, конечно, учесть, что раскрывать тайну обряда он не имеет права, поэтому отделяется общими словами, подшучивая над читателем):

«Да и самый обычай этот установлен в уподобление добровольной смерти и дарованного из милости спасения, так как богиня имеет обыкновение намечать своих избранников из тех, которые, уже окончив путь жизни и стоя на пороге последнего дыхания, тем лучше могут хранить в молчании великую тайну небесного учения: промыслom ее в какой-то мере вторично рожденные, они обретаюT возможность еще раз начать путь к спасению.

<...>

Может быть, ты страстно захочешь знать, усердный читатель, что там говорилось, что делалось? Я бы сказал, если бы позволено было говорить, ты бы узнал, если бы слышать было позволено. Но одинаковой опасности подвергаются в случае такого дерзкого любопытства и язык и уши. Впрочем, если ты объят благочестивой жаждой познания, не буду тебя дальше томить. Итак, внимай и верь, ибо это — истина. Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред богами подземными и небесными и вблизи поклонился им. Вот я тебе и рассказал, а ты, хотя и выслушал, должен остаться в прежнем неведении».

И вот я читаю своей почти пятилетней дочке «Снежную королеву» Андерсена — и понимаю, что Андерсен действительно видел Снежную королеву, что его Кай тоже «переступил порог Прозерпины»:

«А на дворе бушевала метель.

— Это роятся белые пчелки, — сказала старая бабушка.

— А у них есть королева? — спросил мальчик, потому что он знал, что у настоящих пчел она есть.

— Есть, — ответила бабушка. — Королева летает там, где снежный рой всего гуще; она больше всех снежинок и никогда не лежит подолгу на земле, а снова улетает с черной тучей. Иногда в полночь она летает по улицам города и заглядывает в окна, — тогда они покрываются чудесными ледяными узорами, словно цветами.

— Мы видели, видели, — сказали дети и поверили, что все это суцая правда.

— А может Снежная королева придти к нам? — спросила девочка.

– Пусть только попробует! – сказал мальчик. – Я посажу ее на раскаленную печку, и она растает.

Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай вернулся домой и уже почти разделся, собираясь лечь в постель, он забрался на скамеечку у окна и заглянул в круглое отверстие в том месте, где оттаял лед. За окном порхали снежинки; одна из них, самая большая, опустилась на край цветочного ящика. Снежинка росла, росла, пока, наконец, не превратилась в высокую женщину, закутанную в тончайшее белое покрывало; казалось, оно было соткано из миллионов снежных звездочек. Женщина эта, такая прекрасная и величественная, была вся из льда, из ослепительного, сверкающего льда, – и все же живая; глаза ее сияли, как две ясные звезды, но в них не было ни тепла, ни покоя. Она склонилась к окну, кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчик испугался и прыгнул со скамеечки, а мимо окна промелькнуло что-то, похожее на огромную птицу».

Вы сами видите, как похожи Офелия Рембо и Снежная королева Андерсена. «Офелия, белей и лучезарней снега...» (O pâle Ophélia! belle comme la neige!), «В огне такого / Виденья, хрупкая, ты таяла, как снег» (Quel rêve, ô pauvre Folle! Tu te fondais a lui comme une neige au feu...). Особенным же для меня свидетельством того, что у Андерсена было настоящее видение, является возникающий в связи со Снежной королевой образ зеркала, которое смастерил тролль и которое разбилось, когда тролли несли его на небо:

«И вот они захотели добраться до неба, чтобы посмеяться над ангелами и над Господом Богом. Чем выше поднимались они, тем больше гримасничало и кривлялось зеркало; им трудно было удержать его: они летели все выше и выше, все ближе к Богу и ангелам; но вдруг зеркало так перекошилось и задрожало, что вырвалось у них из рук и полетело на землю, там оно разбилось вдребезги».

Зеркало светится и на челе Изиды в описании Апулея: «а как раз посредине, надо лбом, круглая пластинка излучала яркий свет, словно зеркало или, скорее, верный признак богини Луны».

Дело в том, что когда человек видит Изиду, она не просто является сама по себе, в обычном мире, но она изменяет собой мир, становится центром измененного мира. Помните, как у Джойса: «Душа его замирала, падала в этот новый мир, мир фантастический, туманный, неясный, словно мир подводных глубин». Мир становится как бы водным, все видится словно сквозь толщу воды – так сказать, сфумато.³¹ (Отсюда, кстати, примечательная деталь: Изида часто является под каким-либо покровом, под какой-либо завесой: она полускрыта туманом, вуалью и т. п.³²) При этом поверхность воды обладает способностью замерзнуть,

³¹ Сфумато (в живописи) – открытие и изобретение Леонардо да Винчи: размытые, расплавленные контуры и сгущающиеся тени, в которых формы незаметно перетекают друг в друга.

³² Сравните в уже встретившихся нам примерах: «Но прекрасный вид был словно покрыт темной вуалью» (Шницлер), «Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ, отливавший темным блеском» (Апулей), «Лобзая грудь ее, фатою прихотливо / Играет бриз, венком ей обрамляя лик» (Рембо), «покрывалом покрыта, незрима людям» (хозяйка богов в «Гильгамеше»), «сквозь облако виделся мне просветленный лик любимой» (Новалис), «Снежинка росла, росла, пока, наконец, не превратилась в высокую женщину, закутанную в тончайшее белое покрывало; казалось, оно было соткано из миллионов снежных звездочек» (Андерсен). Мы еще будем много говорить (в связи с Изидой и морем) о романе Германа Мелвилла «Моби Дик», так вот в нем есть глава, целиком посвященная фонтану, выбрасываемому китом. Писатель говорит «о могучем, туманном чудовище, гордо плывущем по безмятежному лону тропических вод и несущем над своей громадной обтекаемой головой балдахин белого пара, порожденного его непередаваемыми мыслями».

леденеть – и вот тут-то и возникает зеркало. Затем зеркало раскалывается, мир начинает распадаться на бесконечное количество кусочков-осколков.

Тролли несут зеркало на небо. Иллюстрация Вильгельма Педерсена (1820–1859)

Джордано Бруно (во время процесса, который устроила против него инквизиция) говорил, что Мировая Душа – это зеркало, которое все время то раскалывается на мелкие частицы, то вновь собирается в цельную зеркальную поверхность.

Кстати, о Возрождении. Посмотрите на Джоконду с ее знаменитой загадочной улыбкой. Не по душе пришлась эта улыбка русским религиозным философам! Первым негативно высказался Флоренский (которого вообще заносило на поворотах), а потом на этой нелюбви к загадочной улыбке Лосев построил свою книгу «Эстетика Возрождения». Вот что он пишет:

«Что касается знаменитой “Моны Лизы”, то зоркие глаза искусствоведов уже давно рассмотрели в этом портрете чисто классические, т. е. возрожденческие, черты – ясность очертаний, осязаемую гибкость линий, скульптурные переливы настроения в пределах физиономии и гармонию противоречивого и зовущего в неопределенную даль портрета с полуфантастическим пейзажем и неопределенно звучащими голубовато-зелеными горами, с извилистой трактовкой пейзажа. Это – Ренессанс. Однако едва ли возрожденчески трактована знаменитая улыбка Джоконды, вызвавшая к жизни столь неимоверное количество разных анализов, часто весьма вздорных. Хорошо, если просто говорят о влечении к себе этой улыбки. Ведь стоит только всмотреться в глаза Джоконды, как можно без труда заметить, что она, собственно говоря, совсем не улыбается. Это не улыбка, но хищная физиономия с холодными глазами и с отчетливым знанием беспомощности той жертвы, которой Джоконда хочет овладеть и в которой кроме слабости она рассчитывает еще на бессилие перед овладевшим ею скверным чувством. Едва ли в этом можно

*находить вершину Ренессанса. Мелкокорыстная, но тем не менее бесовская улыбочка выводит эту картину далеко за пределы Ренессанса, хотя и здесь общевозрожденческая личностно-материальная направленность все же остается непоколебимой».*³³

Что смутило сих почтенных мужей? Амбивалентность, конечно. Но вот мы с дочкой читаем русскую народную сказку об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке. Серый волк – вот кто амбивалентен! Иван-царевич отправляется за Жар-птицей, подъезжает к лесу – тут выбегает серый волк, разрывает его коня и говорит недоумевающему и пригорюнившемуся Ивану: «Да тебе на твоём добром коне во веки веков не доскакать бы до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Садись-ка лучше на меня да держись крепче. Загрыз я твоего доброго коня, теперь послужу тебе верой и правдой». Этот волк и есть Муза. Сел бы русский религиозный философ на такого волка? Нет, палкой бы отогнал. Попробовал бы отогнать. А поэту без такого волка никуда не добратся.

В неолитическом поселении Чатал-Хююк в Анатолии (8–6-е тысячелетия до н. э.) была найдена интересная женская статуэтка. Спереди – дородная женщина, возможно, беременная, сзади – скелет (то есть спина и зад той же женщины, но остались одни кости). Это и есть Изида, амбивалентная – одновременно и смерть, и жизнь. (И я узнаю в ней свое разлагающееся видение!) И Снежная королева. Путь к жизни лежит через смерть. Однако что же делать, чтобы не оказаться навечно в плену у Снежной королевы? Посмотрим, что делают люди. Луций, чтобы спастись, молится Изиде. Ибо, как замечает Апулей, «ведь и ключи от преисподней, и оплот спасения – в руках у богини».

³³ В пушкинском «Пире во время чумы» пирующие говорят священнику: «Он мастерски об аде говорит! / Ступай, старик! ступай своей дорогой!» Разумно также поступила бабушка у Андерсена: «– А может Снежная королева придти к нам? – спросила девочка. – Пусть только попробует! – сказал мальчик. – Я посажу ее на раскаленную печку, и она растает. Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом».

В. М. Васнецов. Иван-царевич на Сером Волке. 1889 год

Пророк Иона, погруженный в водную стихию, проглоченный воплощением этой стихии – китом, молится «Господу Богу своему»:

«И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи.

И помолился Иона Господу Богу своему из чрева кита и сказал: к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой.

Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною.

И я сказал: отринут я от очей Твоих, однако я опять увижу священный храм Твой.

Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя.

Иона и морское чудовище. Италия, конец XII века

До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада.

Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего.

Чтущие суетных и ложных [богов] оставили Милосердаго своего, а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение!

И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу».

Данте (в «Божественной комедии»), идя через преисподнюю (через Ад) к спасению (то есть через «бездну» – вверх), молится, конечно, тоже не Изиде. Однако без Изиды не обошлось (как не обошлось в случае Ионы без кита): Данте встретил в Чистилище свою Беатриче и последовал за ней дальше, в Рай. Через реальную женщину Беатриче ему явилась Душа Мира. О своем видении Данте рассказывает в автобиографической книге «Новая жизнь».

Генри Холлидэй. Данте и Беатриче. 1883 год

Не напоминает ли вам эту встречу Мастера и Маргариты в романе Булгакова?³⁴

А вот как предстает Беатриче в «Божественной комедии»:

Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,

И солнца лик, поднявшись невысоко,
Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око,³⁵ —

Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетающих и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев,
В венке олив, под белым покрывалом,³⁶
Предстала женщина, облачена

³⁴ «Тут глаза гостя широко открылись, и он продолжал шептать, глядя на луну:— Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!»

³⁵ Сравните, у Анненского: Но чрез полог темнолистый Я дождусь другого солнца Цвета мальвы золотистой Или розы и червонца.

³⁶ Сравните с покрывалом Офелии у Рембо.

В зеленый плащ и в платье огне-алом.³⁷

И дух мой, – хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,

А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведаль обаянье.

<...>

Как адмирал, чтобы людей увлечь
На кораблях воинственной станицы,
То с носа, то с кормы к ним держит речь,

Такой, над левым краем колесницы,
Чуть я взглянул при имени своем,
Здесь поневоле вписанном в страницы,

Возникшая с завешенным челом
Средь ангельского празднества – стояла,
Ко мне чрез реку обратясь лицом.³⁸

Хотя опущенное покрывало,
Окружено Минервиной листвою,
Ее открыто видеть не давало,

Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:

«Взгляни смелей! Да, да, я – Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?»

Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.

Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневе том:
Горька любовь, когда она сурова.

Она умолкла; ангелы кругом

³⁷ Сравните с платьем и плащом Изида у Апулея: «многоцветная, из тонкого виссона, то белизной сверкающая, то, как шафран, золотисто-желтая, то пылающая, как алая роза. Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ, отливавший темным блеском». И на изображении Изида из гробницы Сети I вы видели зеленый плащ и красное (или светло-коричневое) платье.

³⁸ Сравните с рекой у Рембо.

Запели: «In te, Domine, speravi³⁹»,
На «pedes meos⁴⁰» завершив псалом.

Как леденеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,

И как он сам собою поглощен,
Едва дохнет земля, где гибнут тени,
И кажется – то воск огнем спален, —

Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековых сеней;

Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!», —
Лед, сердце мне сжимавший как тисками,⁴¹
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.⁴²

Секрет улыбки Джоконды, кажется, недавно раскрыли. Судя по некоторым элементам одежды, Мона Лиза беременна, хотя и совсем чуть-чуть. Так что Изида улыбается новой жизни, в ней зреющей, чтобы потом раскрыться, подобно розе. Но даже если улыбка эта влечет и манит, уважаемый философ, что ж тут такого бесовского? C'est la vie!

³⁹ «На Тебя, Господи, уповаю» (лат.).

⁴⁰ «Ноги мои»: «statuisti in loco spatioso pedes meos» – «поставил ноги мои на просторном месте».

⁴¹ Сравните с оледеневшим сердцем Кая из «Снежной королевы».

⁴² Перевод М. В. Лозинского.

Леонардо да Винчи. Мона Лиза (портрет госпожи Лизы Джокондо). 1503–1519 годы

Конечно, путь к Изиде смертельно опасен. Но с этой опасностью приходится мириться как художнику на его творческом пути, так и вообще всякому человеку на пути духовном. В ослиной шкуре тоже опасно оставаться, не говоря уж о том, что довольно противно.

В романе Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» (в главе «На мачте») автор (или его герой), говоря о тех юношах, что дежурят на мачте, высматривая китов, рассуждает о притягивающей и губительной силе моря:

«Часто бывает, что капитаны принимаются отчитывать этих рассеянных юных философов, укоряя их в том, что они недостаточно “болеют” за успех плавания; что им совершенно чуждо благородное честолюбие, так что в глубине души они даже скорее предпочтут не увидеть кита, чем увидеть. Но все напрасно: у молодых платоников, кажется, неважно со зрением, они близоруки, какой же им смысл напрягать зрительный нерв? А свои театральные бинокли они оставили дома.

– Эй ты, мартышка, – сказал однажды гарпуник одному такому юноше. – Мы уж скоро три года как промышляем, а ты еще ни одного кита не поднял. Когда ты стоишь наверху, киты попадаются реже, чем зубы у курицы.

Может быть, они в самом деле не попадают, а может быть, наоборот, плавают целыми стаями; но, убаюканный согласным колыханием

волн и грез, этот задумчивый юноша погружается в такую сонную апатию смутных, рассеянных мечтаний, что под конец перестает ощущать самого себя; таинственный океан у него под ногами кажется ему олицетворением глубокой, синей, бездонной души, единым дыханием наполняющей природу и человека; и все необычное, еле различимое, текучее и прекрасное, что ускользает от его взора, всякий смутно мелькнувший над волнами плавник невидимого подводного существа, представляется ему лишь воплощением тех неуловимых дум, которые в своем неустанном полете посещают на мгновение наши души. В этом сонном очаровании дух твой уносится назад, к своим истокам; он растворяется во времени и в пространстве <...> и под конец становится частью каждого берега по всему нашему земному шару.

И вот в тебе нет уже жизни помимо той, какой одаряет тебя тихое покачивание корабля, который сам получил ее от моря, а море – от загадочных Божьих приливов и отливов. Но попробуй только, объятый этим сном, этой грезой, чуть сдвинуть руку или ногу, попробуй разжать пальцы, и ты тут же в ужасе вновь ощутишь самого себя. <...> И может статься, в полдень, в ясный, погожий полдень, когда так прозрачен воздух, ты с коротким, сдавленным криком сорвешься и полетишь головой вниз в тропическое море, чтобы навсегда скрыться в его ласковых волнах. Помните об этом, о пантеисты!»

Жерар де Нерваль (романтик, о котором еще пойдет речь) дважды сходил с ума, пока не покончил с собой. И не он один.

Вот как изобразил Музу Михаил Врубель – «зовущую в неопределенную даль», весьма похожую на Снежную королеву (картина «Царевна-Лебедь», 1900 год):

«Мальчик испугался и прыгнул со скамеечки, а мимо окна промелькнуло что-то, похожее на огромную птицу».

Рыжелистая рябина

В книге «О любви» Стендаль замечает:

«Влюбленный видит любимую женщину на линии горизонта всех пейзажей, попадающихся на его пути, и, когда он едет за сто миль с целью увидеть ее на один миг, каждое дерево, каждая скала говорят ему о ней различным образом и сообщают что-нибудь новое».

Для Стендаля это иллюзия, греза: на самом деле никакой любимой женщины в пейзаже нет. А вот для Пастернака – есть, как можно заметить, например, в романе «Доктор Живаго». Афродита выходит на сей раз не из воды, а из леса:

«Юрий Андреевич с детства любил сквозящий огнем зари вечерний лес. В такие минуты точно и он пропускал сквозь себя эти столбы света. Точно дар живого духа потоком входил в его грудь, пересекал все его существо, и парой крыльев выходил из-под лопаток наружу. Тот юношеский первообраз, который на всю жизнь складывается у каждого, и потом навсегда служит и кажется ему его внутренним лицом, его личностью, во всей первоначальной силе пробуждался в нем, и заставлял природу, лес, вечернюю зарю и всё видимое преобразиться в такое же первоначальное и всеохватывающее подобие девочки. “Лара!” – закрыв глаза, полушептал или мысленно обращался он ко всей своей жизни, ко всей Божьей земле, ко всему расстилавшемуся перед ним, солнцем озаренному пространству».

«Вечерний лес», «сквозящий огнем зари» – это такое же сочетание «инь» и «ян», как и морская роза, как и «Все зримое опять покроют воды, И Божий лик изобразится в них!». Вы видите здесь основу, лес – «первооснову жизни», пронизанную светом. И «юношескому первообразу» главного героя (которого можно представить себе, например, как улыбающегося греческого юношу-курося, «архаического Аполлона») откликается «первоначальное и всеохватывающее подобие девочки», которое представляет собой всю его жизнь.

Аполлон Тенейский. Около 560–550 годов до н. э.

Богиня возникает – и изменяет пространство, делает его очеловеченным: не безразличным для Юрия Живаго, а обращенным именно к нему, приглашающим в путь именно его – по заветной тропинке. Это, как мы прочли у Джойса, «кликнувшая его жизнь».

А далее в романе эта «девочка» предстает, оборачивается рябиной:

«У выхода из лагеря и из леса, который был теперь по-осеннему гол и весь виден насквозь, точно в его пустоту растворили ворота, росла одинокая, красивая единственная изо всех деревьев сохранившая неопавшую листву ржавая рыжелистая рябина. Она росла на горке над низким топким кочкарником и протягивала ввысь, к самому небу, в темный свинец предзимнего ненастья плоско расширяющиеся щитки своих твердых разордевшихся ягод. Зимние пичужки с ярким, как морозные зори, оперением, снегири и синицы, садились на рябину, медленно, с выбором клевали крупные ягоды и, закинув кверху головки и вытянув шейки, с трудом их проглатывали.

Какая-то живая близость заводилась между птицами и деревом. Точно рябина всё это видела, долго упрямялась, а потом сдавалась и,

сжалившись над птичками, уступала, растягивалась и давала им грудь, как мамка младенцу. “Что, мол, с вами поделаешь. Ну, ешьте, ешьте меня. Кормитесь”. И усмехалась».

Это то древнее (еще из каменного века) божество, которое условно называют «Великой Богиней». Она же Мировое Древо. Судите сами: растет оно на границе между пленом (принудительным пребыванием Юрия Живаго у партизан) и свободой: «у выхода из лагеря и из леса», оно выделяется из всех деревьев сохранившейся листвой, оно растет на горке и тянется к самому небу, оно кормит птиц своими ягодами: «давала им грудь, как мамка младенцу». Это мифическая «Хозяйка зверей». Для Юрия Живаго это сама Жизнь, это Душа Мира, это Лара.

И вот Живаго слышит возле рябины песню:

«Доктор направлялся в лагерь. Близ поляны и горки, на которой росла рябина, считавшаяся пограничной вехой лагеря, он услышал озорной задорный голос Кубарихи, своей соперницы, как он в шутку звал лекариху-знахарку. Его конкурентка с крикливым подвизгиванием выводила что-то веселое, разухабистое, наверное, какие-то частушки. Ее слушали. Ее прерывали взрывы сочувственного смеха, мужского и женского. Потом всё смолкло. Все, наверное, разошлись».

Тогда Кубариха запела по-другому, про себя и вполголоса, считая себя в полном одиночестве. Остерегаясь оступиться в болото, Юрий Андреевич в потемках медленно пробирался по стежке, огибавшей топкую полянку перед рябиной, и остановился как вкопанный. Кубариха пела какую-то старинную русскую песню. Юрий Андреевич не знал ее. Может быть, это была ее импровизация?

Русская песня, как вода в запруде. Кажется, она остановилась и не движется. А на глубине она безостановочно вытекает из вешияков и спокойствие ее поверхности обманчиво. Всеми способами, повторениями, параллелизмами, она задерживает ход постепенно развивающегося содержания. У какого-то предела оно вдруг сразу открывается и разом поражает нас. Сдерживающая себя, властвующая над собою тоскующая сила выражает себя так. Это безумная попытка словами остановить время.

Кубариха наполовину пела, наполовину говорила:

*Что бежал зайка по белúсвету,
По белúсвету да по белúнегу.
Он бежал косою мимо рябины дерева,
Он бежал косою, рябине плакался.
У меня ль у зайца сердце робкое,
Сердце робкое, захолончивое,
Я робею, заяц, следу зверьего,
Следу зверьего, несыта волчья черева.
Пожалей меня, рябинов куст,
Что рябинов куст, краса рябина дерево.
Ты не дай красы своей злому ворогу,
Злому ворогу, злому ворону.
Ты рассыпь красны ягоды горстью пу ветру,
Горстью по ветру, по белúсвету, по белúнегу.*

*Закати, закинь их на родиму сторону,
В тот ли крайний дом с околицы.
В то ли крайнее окно да в ту ли горницу,
Там затворница укрывается,
Милая моя, желанная.
Ты скажи на ушко моей жалёнушке
Слово жаркое, горячее.
Я томлюсь во плену, солдат ратничек,
Скучно мне солдату на чужбинушке.
А и вырвусь я из плена горького,
Вырвусь к ягодке моей красавице».*

Юрий Живаго воспринимает эту песню, которую Кубариха пела вовсе не для него, а для себя («считая себя в полном одиночестве»), как обращенную именно к нему. Кем обращенную? Хозяйкой зверей.

И он слушается ее и бежит «из плена горького»:

«Лыжи, мешок с сухарями и все нужное для побега было давно запасено у него. Он зарыл эти вещи в снег за сторожевою чертою лагеря, под большою пихтою, которую для верности еще отметил особою зарубкою. Туда, по проторенной среди сугробов пешеходной стезе он и направился. Была ясная ночь. Светила полная луна. Доктор знал, где расставлены на ночь караулы, и с успехом обошел их. Но у поляны с обледенелою рябиной часовой издали окликнул его и, стоя прямо на сильно разогнанных лыжах, скользком подъехал к нему.

– Стой! Стрелять буду! Кто такой? Говори порядок.

– Да что ты, братец, очумел? Свой. Аль не узнал? Доктор ваш Живаго.

– Виноват! Не серчай, товарищ Желвак. Не признал. А хоша и Желвак, дале не пуцу. Надо всё следом правилом.

– Ну, изволь. Пароль Красная Сибирь, отзыв долой интервентов.

– Это другой разговор. Ступай куда хошь. За каким шайтаном ночеводишь? Больные?

– Не спится и жажда одолела. Думал, пройдуся, поглотаю снега. Увидел рябину в ягодах мороженных, хочу пойти, пожевать.

– Вот она, дурь барская, зимой по ягоду. Три года колотим, колотим, не выколотишь. Никакой сознательности. Ступай по свою рябину, ненормальный. Аль мне жалко?

И так же разгоняясь все скорее и скорее, часовой с сильно взятого разбега, стоя отъехал в сторону на длинных свистящих лыжах, и стал уходить по цельному снегу все дальше и дальше за тощие, как поредевшие волосы, голые зимние кусты. А тропинка, по которой шел доктор, привела его к только что упомянутой рябине.

Она была наполовину в снегу, наполовину в обмерзших листьях и ягодах, и простирала две заснеженные ветки вперед навстречу ему. Он вспомнил большие белые руки Лары, круглые, щедрые и, ухватившись за ветки, притянул дерево к себе. Словно сознательным ответным движением рябина осыпала его снегом с ног до головы. Он бормотал, не понимая, что говорит, и сам себя не помня:

– Я увижу тебя, красота моя писаная, княгиня моя рябинушка, родная кровинушка.

Ночь была ясная. Светила луна. Он пробрался дальше в тайгу к заветной пихте, откопал свои вещи и ушел из лагеря».

Вы видите, как Юрий Живаго молится Хозяйке зверей и как ее образ совпадает для него с Ларой (две заснеженные ветки рябины – большие белые руки Лары). И луна тут недаром светит. «Увидел рябину в ягодах мороженных, хочу пойти, пожевать». Разве это не осел-Луций из Апулея, спасение которого в том, чтобы пожевать розы? Аналогичный бытовой момент, приниженный до смешного. Иначе как человеку выдержать встречу с Хозяйкой?

«Внутреннее лицо» Юрия Живаго – «юношеский первообраз», о котором я условно говорил как об Аполлоне-куресе. В мире же ему соответствует «первоначальное и всеохватывающее подобие девочки». Таково мифологическое восприятие себя и мира у мужчины. А у женщины? Возможно, наоборот: в мире она видит (переживает как видение) Аполлона-куреса, а себя ощущает Хозяйкой зверей. В этом смысле особенно интересен опыт Елены Гуро (1877–1913). В ее книге «Небесные верблюжата» есть, например, такие строки:

«А теплыми словами потому касаюсь жизни, что как же иначе касаться раненого? Мне кажется, всем существам так холодно, так холодно.

Видите ли, у меня нет детей, – вот, может, почему я так нестерпимо люблю всё живое.

Мне иногда кажется, что я мать всему».

И так же, как у Пастернака, возникает лес. Автор укрывается в него, будучи сама лесной богиней (Бабой-ягой?):

«Мне уже 34 года, но я убежала от собственных гостей. Какое чудное чувство спасшихся бегством! Чтоб не заметили с опушки, пришлось низко прилечь лицом ко мху, к старым еловым шишкам. Дно леса выстлано мохом и тонкими прутиками. В лесу всё одето собственно своим лесным излучением. В лесу – с каждым мигом ты леснее. Всё лесное очень требовательно, – всё “не тронь меня”. И недостижимо прячется от чужих».

Лес – «первооснова жизни», как и вода, на которую он даже похож:

«Лес весь сквозной сияет. Проходит где-то время. Солнце обтекает каждый ствол. От сияния бесчисленных былинки лес наводнен особым веществом, как водой, – это подводный мир. И где-то далеко идет время. Потом тонкая веточка черники или вереска особенно повернулась и необыкновенно светится – от этого становится волшебным и сияющим.

Времени собственно нет».

В повести Льва Толстого «Казаки» городской житель Дмитрий Оленин, охотящийся на оленя, находящийся в лесу и облепленный комарами, вдруг ощущает себя не человеком, а частицей этого леса (комаром, оленем), ощущает себя причастным к «первооснове жизни».⁴³ Его едят комары, а он вдруг понимает: это правильно. Это жертвоприношение (Ох и будут меня потом близкие дразнить этой строчкой, летом на даче!)

«День был совершенно ясный, тихий, жаркий. Утренняя свежесть даже в лесу пересохла, и мириады комаров буквально облепляли лицо, спину и руки. Собака сделалась сивою из черной: спина ее вся была покрыта

⁴³ Сравните у Елены Гуро: «В лесу – с каждым мигом ты леснее».

комарами. Черкеска, через которую они пропускали свои жалы, стала такою же. Оленин готов был бежать от комаров: ему уж казалось, что летом и жить нельзя в станице. Он уже шел домой; но, вспомнив, что живут же люди, решился вытерпеть и стал отдавать себя на съедение. И, странное дело, к полдню это ощущение стало ему даже приятно. Ему показалось даже, что ежели бы не было этой окружающей его со всех сторон комариной атмосферы, этого комариного теста, которое под рукой размазывалось по потному лицу, и этого беспокойного зуда по всему телу, то здешний лес потерял бы для него свой характер и свою прелесть. Эти мириады насекомых так шли к этой дикой, до безобразия богатой растительности, к этой бездне зверей и птиц, наполняющих лес, к этой темной зелени, к этому пахучему, жаркому воздуху, к этим канавкам мутной воды, везде просачивающейся из Терека и булькающей где-нибудь под нависшими листьями, что ему стало приятно именно то, что прежде казалось ужасным и нестерпимым. Обойдя то место, где вчера он нашел зверя, и ничего не встретив, он захотел отдохнуть. Солнце стояло прямо над лесом и беспрестанно, в отвес, доставало ему спину и голову, когда он выходил в поляну или дорогу. Семь тяжелых фазанов до боли оттягивали ему поясницу. Он отыскал вчерашние следы оленя, подобрался под куст в чащу, в то самое место, где вчера лежал олень, и улегся у его логова. Он осмотрел кругом себя темную зелень, осмотрел потное место, вчерашний помет, отпечаток коленей оленя, клочок чернозема, оторванный оленем, и свои вчерашние следы. Ему было прохладно, уютно; ни о чем он не думал, ничего не желал. И вдруг на него нашло такое странное чувство беспричинного счастья и любви ко всему, что он, по старой детской привычке, стал креститься и благодарить кого-то. Ему вдруг с особенною ясностью пришло в голову, что вот я, Дмитрий Оленин, такое особенное от всех существо, лежу теперь один, Бог знает где, в том месте, где жил олень, старый олень, красивый, никогда, может быть, не выдававший человека, и в таком месте, в котором никогда никто из людей не сидел и того не думал. “Сижу, а вокруг меня стоят молодые и старые деревья, и одно из них обвито плетями дикого винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя друг друга, и чуют, может быть, убитых братьев”. Он пощупал своих фазанов, осмотрел их и отер теплоокровавленную руку о черкеску. “Чуют, может быть, чакалки и с недовольными лицами пробираются в другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся им огромными островами, стоят в воздухе и жужжат комары; один, два, три, четыре, сто, тысяча, миллион комаров, и все они что-нибудь и зачем-нибудь жужжат около меня, и каждый из них такой же особенный от всех Дмитрий Оленин, как и я сам”. Ему ясно представилось, что думают и жужжат комары. “Сюда, сюда, ребята! Вот кого можно есть”, – жужжат они и облепляют его. И ему ясно стало, что он нисколько не русский дворянин, член московского общества, друг и родня того-то и того-то, а просто такой же комар, или такой же фазан или олень, как те, которые живут теперь вокруг него. “Так же, как они, как дядя Ерошка, поживу, умру. И правду он говорит: только трава вырастет”».

Дмитрий Оленин здесь – и охотник, и добыча. И жрец, и жертва. (Это, кстати сказать, обычное ощущение поэта⁴⁴). Он соединился с «первоосновой жизни».

Елена Гуро не просто писала литературное произведение, она действительно ощущала себя матерью всего, Хозяйкой зверей, Артемидой – бездетной покровительницей детенышей – и действительно видела своего куроса – нежного, неловкого, беззащитного небесного верблюдонка с длинной шеей. Она встречала своего детеныша-звереныша повсюду:

«Шел дождь, было холодно. У вокзала в темноте стоял человек и мок. Он от горя забыл войти под крышу. Он не заметил, как промок и озяб. Он даже стал нечаянно под самый сток...

Он не заметил, что озяб, и все стоял, как поглупевшая, бесприютная птица, и мок. А сверху на него толстыми струями, пританцовывая и смеясь, лилась – вода...

Дня через три после этого он умер.

Это был мой сын, мой сын, мое единственное, мое несчастное дитя.

Это вовсе не был мне сын, я его и не видала никогда, но я его полюбила за то, что он мок, как бесприютная птица, и от глубокого горя не заметил этого».

⁴⁴ Например, у Шарля Бодлера: Я – нож, проливший кровь, и рана, Удар в лицо и боль щеки, Орудье пытки, тел куски; Я – жертвы стон и смех тирана! (перевод Эллиса)

Елена Гуро. Олень. Около 1908–1909 годов

Поэтому, хотя у Елены Гуро не было детей, она создала (и прежде всего для себя) легенду о своем умершем сыне. Как к этому относиться? Сказать, может быть, Елене Гуро: «Да бросьте голову морочить людям, не было у вас никакого сына?» А она так заканчивает книжку «Небесные верблюжата»:

*«Поклянитесь, далекие и близкие, пишущие на бумаге чернилами,
взором на облаках, краской на холсте, поклянитесь никогда не изменять, не
клеветать на раз созданное – прекрасное – лицо вашей мечты...»*

Зеленая дверь

В фантастическом рассказе Герберта Уэллса «Дверь в стене» герой рассказа Уоллес мальчиком видит зеленую дверь в белой стене – и его тянет в нее войти. И он входит:

«Уоллес со всеми подробностями рассказал, какие он пережил колебания. Он прошел мимо двери, потом засунул руки в карманы, по-мальчишески засвистел, с независимым видом зашагал вдоль стены и свернул за угол. Там он увидел несколько драных, грязных лавчонок, и особенно запомнились ему мастерские водопроводчика и обойщика; кругом валялись в беспорядке пыльные глиняные трубы, листы свинца, круглые краны, образчики обоев и жестянки с эмалевой краской.

Он стоял, делая вид, что рассматривает эти предметы, на самом же деле трепетно стремился к зеленой двери.

Внезапно его охватило необъяснимое волнение. Боясь, как бы на него снова не напали колебания, он решительно побежал, протянув руку, толкнул зеленую дверь, вошел в нее, и она захлопнулась за ним. Таким образом, в один миг он очутился в саду, и видение этого сада потом преследовало его всю жизнь.

Уоллесу было очень трудно передать свои впечатления от этого сада.

– В самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение легкости, довольства и счастья. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очутившись в саду, испытываешь острую радость, какая бывает у человека только в редкие минуты, когда он молод, весел и счастлив в этом мире. Там все было прекрасно...⁴⁵

Уоллес задумался, потом продолжал свой рассказ.

– Видишь ли, – сказал он нерешительным тоном, как человек, сбитый с толку чем-то совершенно необычным. – Там были две большие пантеры... Да, пятнистые пантеры. И, представь себе, я их не испугался. На длинной широкой дорожке, окаймленной с обеих сторон мрамором и обсаженной цветами, эти два огромных бархатистых зверя играли мячом. Одна из пантер не без любопытства взглядела на меня и направилась ко мне: подошла, ласково, потерлась своим мягким круглым ухом о мою протянутую вперед ручонку и замурлыкала. Говорю тебе, то был зачарованный сад. Я это знаю... А его размеры? О, он далеко простирался во все стороны, и, казалось, ему нет конца. Помнится, вдалеке виднелись холмы. Бог знает, куда вдруг провалился Восточный Кенсингтон. И у меня было такое чувство, словно я вернулся на родину.

Знаешь, в тот самый миг, когда дверь захлопнулась за мной, я позабыл и дорогу, усыпанную опавшими листьями каштана, с ее экипажами и фургонами, забыл о дисциплине, властно призывавшей меня домой; забыл обо всех своих колебаниях и страхах, забыл всякую осторожность; забыл и о повседневной жизни. В одно мгновение я очутился в другом мире, превратившись в очень веселого, безмерно счастливого ребенка. Это был совсем иной мир, озаренный теплым, мягким, ласковым светом; тихая ясная радость была разлита в воздухе, а в небесной синеве плыли

⁴⁵ Сравните это с ощущениями Стивена в отрывке из Джойса.

легкие, пронизанные солнцем облака. Длинная широкая дорожка, по обеим сторонам которой росли великолепные, никем не охраняемые цветы, бежала передо мной и манила идти все дальше, рядом со мной шли две большие пантеры. Я бесстрашно погрузил свои маленькие руки в их пушистую шерсть, гладил их круглые уши, щекотал чувствительное местечко за ушами и забавлялся с ними. Казалось, они приветствовали мое возвращение на родину. Все время мною владело радостное чувство, что я наконец вернулся домой⁴⁶. И когда на дорожке появилась высокая прекрасная девушка, с улыбкой пошла ко мне навстречу и сказала: «Вот и ты!» – потом подняла меня, расцеловала, опустила на землю и повела за руку, – это не вызвало во мне ни малейшего удивления, но лишь чудесное сознание, что иначе и не могло быть, напоминая о чем-то счастливом, что странным образом выпало из памяти. Я помню широкие красные ступени, видневшиеся между стеблями дельфиниума; мы поднялись по ним на убегающую вдаль аллею, по сторонам которой росли старые-престарые тенистые деревья. Вдоль этой аллеи, среди красноватых, изборозжденных трещинами стволов, высились мраморные памятники и статуи, а вокруг бродили ручные, очень ласковые белые голуби.

Поглядывая вниз, моя спутница осторожно вела меня по этой прохладной аллее. Мне запомнились милые черты ее нежного, доброго лица с тонко очерченным подбородком. Тихим, задушевным голосом она задавала мне вопросы и рассказывала что-то, без сомнения, очень приятное, но что именно, я начисто забыл... Внезапно обезьянка-капуцин, удивительно чистенькая, с красновато-бурой шерсткой и добрыми карими глазами, спустилась к нам с дерева и побежала рядом со мною, поглядывая на меня и скаля зубы, потом прыгнула мне на плечо. Так мы оба, веселые и довольные, продолжали свой путь.

– Я встретил там товарищей своих детских игр. Для меня, одинокого ребенка, это было большой радостью. Они затевали чудесные игры на поросшей зеленой травой площадке, где стояли солнечные часы, обрамленные цветами. И во время игр мы горячо привязались друг к другу.

Но, как это ни странно, тут в моей памяти провал. Я не помню игр, в какие мы играли. Никогда не мог вспомнить. Впоследствии, еще в детские годы, я целыми часами, порой обливаясь слезами, ломал голову, стараясь припомнить, в чем же состояло это счастье. Мне хотелось снова у себя в детской возобновить эти игры. Но куда там!.. Все, что я мог воскресить в памяти – это ощущение счастья и облик двух дорогих товарищей, игравших со мной.

Потом появилась строгая темноволосая женщина с бледным серьезным лицом и мечтательными глазами, с книгой в руках, в длинном одеянии бледно-пурпурного цвета, падавшем мягкими складками. Она поманила меня и увела с собой на галерею над залом. Товарищи по играм нехотя отпустили меня, тут же прекратили игру и стояли, глядя, как меня уводят. «Возвращаясь к нам! – вслед кричали они. – Возвращаясь скорей!»

Я заглянул в лицо женщине, но она не обращала на их крики ни малейшего внимания. Ее кроткое лицо было серьезно. Мы подошли к скамье

⁴⁶ Чувство «вернулся домой» возникает при соприкосновении с «первоосновой жизни». Сравните в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген»: «Куда же мы идем? – Всякий путь ведет домой».

на галерее. Я стал рядом с ней, собираясь заглянуть в книгу, которую она открыла у себя на коленях. Страницы распахнулись. Она указывала мне, и я в изумлении смотрел: на оживших страницах книги я увидел самого себя. Это была повесть обо мне; в ней было все, что случилось со мной со дня моего рождения. Я дивился, потому что страницы книги не были картинками, ты понимаешь, а реальной жизнью.

Уоллес многозначительно помолчал и поглядел на меня с сомнением.

– Продолжай, – сказал я, – мне понятно.

– Это была самая настоящая жизнь, да, поверь, это было так: люди двигались, события шли своим чередом. Вот моя дорогая мать, почти позабытая мною, тут же и отец, как всегда непреклонный и суровый, наши слуги, детская, все знакомые домашние предметы. Затем входная дверь и шумные улицы, где сновали туда и сюда экипажи. Я смотрел, и изумлялся, и снова с недоумением заглядывал в лицо женщины, и переворачивал страницы книги, перескакивая с одной на другую, и не мог вдоволь насмотреться; наконец я увидел самого себя в тот момент, когда топтался в нерешительности перед зеленой дверью в белой стене. И снова я испытал душевную борьбу и страх».

То, что Уоллес увидел, когда ему было пять с лишним лет, манило и томило его потом всю жизнь – он все хотел отыскать ту зеленую дверь. Кончилось же все это печально, вот что сообщает рассказчик в конце рассказа:

«Его тело нашли вчера рано утром в глубокой яме, близ Восточно-Кенсингтонского вокзала. Это была одна из двух траншей, вырытых в связи с расширением железнодорожной линии на юг. Для безопасности проходящих по шоссе людей траншеи были обнесены сколоченным наспех забором, где был прорезан небольшой дверной проем, куда проходили рабочие. По недосмотру одного из десятников дверь осталась незапертой, и вот в нее-то и прошел Уоллес.

Я, как в тумане, теряюсь в догадках.

Очевидно, в тот вечер Уоллес прошел весь путь от парламента пешком. Часто во время последней сессии он шел домой пешком. Я так живо представляю себе его темную фигуру; глубокой ночью он бредет вдоль безлюдных улиц, поглощенный одной мыслью, весь уйдя в себя.

Быть может, в бледном свете привокзальных фонарей грубый дощатый забор показался ему белой стеной? А роковая дверь пробудила в нем заветные воспоминания?

Да и существовала ли когда-нибудь белая стена и зеленая дверь? Право, не знаю.

Я передал эту историю так, как мне ее рассказал Уоллес. Порой мне думается, что Уоллес был жертвой своеобразной галлюцинации, которая завлекла его в эту дверь, как на грех, оказавшуюся не на запоре. Но я далеко не убежден, что это было именно так. Я могу показаться вам суеверным, даже чуточку ненормальным, но я почти уверен, что он действительно обладал каким-то сверхъестественным даром, что им владело – как бы это сказать? – какое-то неосознанное чувство, внушавшее ему иллюзию стены и двери, как некий таинственный, непостижимый выход в иной, бесконечно прекрасный мир. Вы скажете, что в конечном итоге он был обманут? Но так ли это? Здесь мы у порога извечной тайны, прозреваемой лишь

немногими подобными ему ясновидцами, людьми великой мечты. Все вокруг нас кажется нам таким простым и обыкновенным, мы видим только ограду и за ней траншею. В свете наших обыденных представлений нам, заурядным людям, кажется, что Уоллес безрассудно пошел в таивший опасности мрак, навстречу своей гибели.

Но кто знает, что ему открылось?»

О том же говорил и Герман Мелвилл в романе «Моби Дик, или Белый кит»:

«Ибо если вы не признаете кита, вы останетесь в вопросах Истины всего лишь сентиментальным провинциалом. Но жгучую Истину могут выдержать лишь исполинские саламандры; на что ж тогда рассчитывать бедным провинциалам? Помните, какая судьба постигла в Саусе слабодушного юношу, отважившегося приподнять покрывало ужасной богини?»⁴⁷

Об опасности такого пути, такой попытки войти в заветную дверь мы уже говорили, сейчас же рассмотрим, как устроена подобная дверь. Она устроена так, как устроены «Львиные ворота» микенского акрополя (середина XIII века до нашей эры).

На фронтоне, венчающем ворота, – два льва, опирающиеся на жертвенник, на котором высится колонна (символизирующая Мировое Древо). Коротко говоря, «код» зеленой двери, ведущей человека в свободу, таков: в середине находится источник жизни, а по бокам – два зверя. Уоллесу в зачарованном саду встречаются две большие пятнистые пантеры, которые его сопровождают, а затем, на дорожке – высокая прекрасная девушка.

⁴⁷ Здесь имеется в виду баллада Фридриха Шиллера «Истукан Изиды», вот ее концовка (перевод М. П. Михалова): Но для чего ж завет божественный гласит: Кто приподнимет ткань, тот Истину узрит? «О, что бы ни было, я вскрою покрывало! Увижу!» – вскрикнул он. – «Увижу!» – прокричало И эхо громкое из сумрачных углов... И дерзкою рукой он приподнял покров. Что ж увидал он там?.. У ног Изиды, в храме, Поутру, недвижим, он поднят был жрецами. И что он увидал? и чту постигнул он? Вопросы слышались ему со всех сторон. Угрюмый юноша на них ответа не дал... Но в жизни счастья он и радости не ведал. В могилу раннюю тоска его свела, И к людям речь его прощальная была: «Кто к Истине идет стезею преступленья, Тому и в Истине не ведать наслажденья!»

Вот Афродита между двумя сатирами (фрагмент росписи сосуда, около 460 года до н. э.):

Вот статуэтка «Великой Богини» из Чатал-Хююка – на троне в окружении леопардов (около 7500 года до н. э.):

Вот «Змеиная богиня» с острова Крит (около 1600 года до н. э.):

Вот богиня Кибела:

Вот аккадская богиня Иштар:

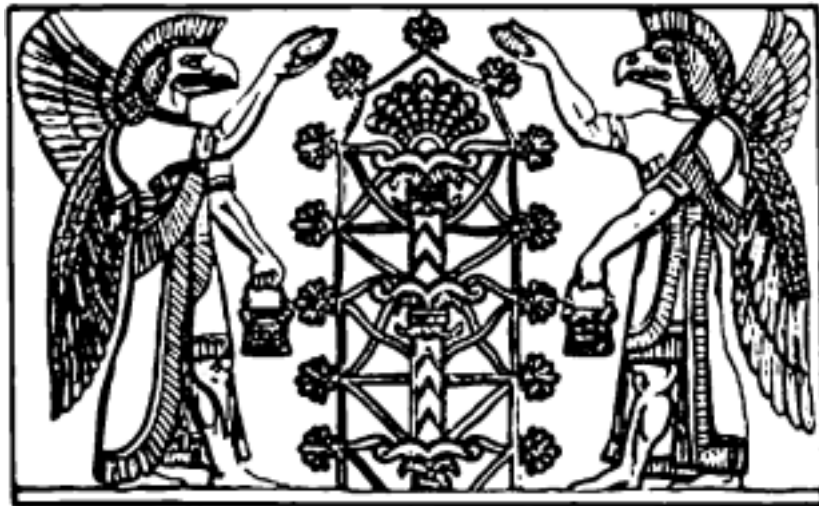
Вот финикийская Астарта:

Вот фонтан на вилле Боргезе (фонтан – древний символ обновляющейся жизни):

Вот Древо Жизни из дворца Ашшурданапала II – гипсовый рельеф из Нимруда (Ассирия):

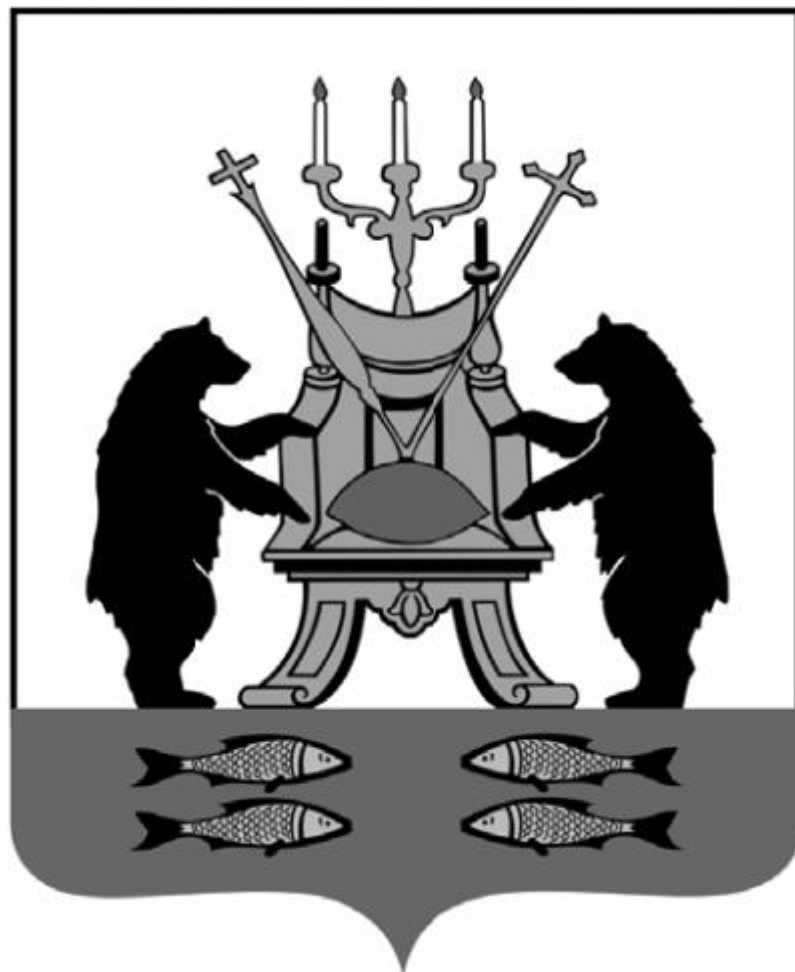
Вот распятый Иисус Христос с двумя разбойниками по бокам (крест – древний символ Мирового Древа, существуют также изображения Иисуса Христа, распятого на Древе Жизни):

Антонелло да Мессина. Распятие с Марией и Иоанном. 1475 год

Сравните: на одном из саркофагов из Равенны (V век) есть следующее изображение: два павлина, между ними – фонтан, над фонтаном – крест.

Вот герб Великого Новгорода:

И так далее и тому подобное.

Интересно, что подчас вместо двух зверей мы видим два рога. Так, например, в видении святого Евстафия мы видим чудесного оленя, между рогов которого помещено распятие с Иисусом Христом:

Видение святого Евстафия. Из английского манускрипта XIII века

Рога мы видим также у статуэтки Изиды, кормящей младенца – бога Хора, своего сына:

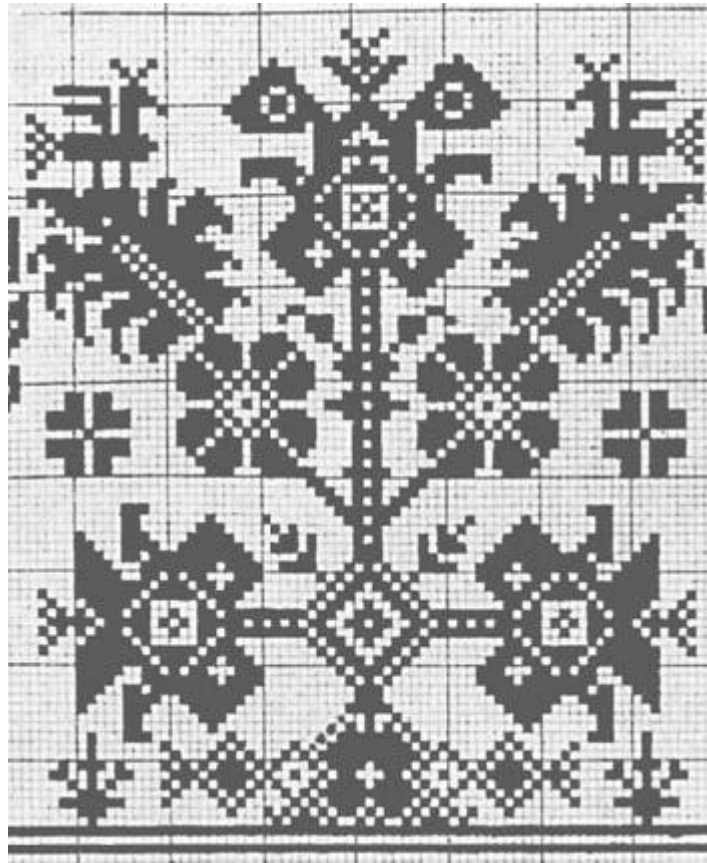
Как известно, именно такие изображения Изида христианство переняло для изображений Девы Марии. И слова Луция, обращающегося с мольбой к Изиде, вполне могли быть обращены и к Богоматери:

«О святейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью! Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благодеяний лишенная: на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь, ярость Судьбы смиряешь...»

Головной убор Изида здесь – это головной убор богини Хатхор. В древнейшие времена Хатхор почиталась как небесная корова, родившая солнце. Что касается солнца между рогами – то оно идентично кресту, так как крест не только означает Мировое Древо, но это еще и древний символ солнца (один из его вариантов – свастика). Посмотрите также на знак жизни анх в руке у Хатхор (круг и крест). Солнце между рогами – это еще и свернувшаяся змея.

В заключение взглянем и на русскую вышивку:

Здесь вы видите Мировое Древо с двумя птицами. Двойственность подчеркивается и другими парными элементами. Кроме того, отчетливо виден крест. Но и еще кое-что интересное: а именно треугольник. Этот треугольник посреди изображения – очень древняя штука. (И в гербе Великого Новгорода мы его тоже видели.) Это увеличенный, схематический лобок тех доисторических фигур, которые получили название «Великой Богини», – богинь плодородия каменного века. Вот их младшая родственница из Месопотамии (начало 2-го тысячелетия до нашей эры):

Отрадная картина! А вот безрадостная: сотворение мира (гравюра Уильяма Блейка, 1794 год):

Мир здесь творит не Бог, а демиург Уризен (воплощение общепринятого разума, заблудший Демон небес) – опускающий циркуль над бездной. Треугольник оказывается перевернут. Я всматриваюсь – и чувствую: тут заключено все, что всегда было мне «против шерсти», что воспринималось как насилие над природой – начиная с детства.

Рассказывают, что это однажды действительно привиделось Блейку, когда он поднимался по лестнице своего дома.

Бабочка

На Крите была найдена статуэтка «Великой Богини» в короне с крыльями бабочки между рогами быка. Почему бабочка? Вот стихотворение Ивана Бунина о бабочке:

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.⁴⁸

Бабочка – древний символ вечной жизни – погибающей и возрождающейся. Раскроет крылышки – жизнь, закроет – смерть. Раскроет вновь – опять жизнь. И так далее.

А вот древнеегипетский фетиш «джед» из орнамента на стенах гробницы Джосера – символ умирающего и возрождающегося бога Озириса. Джед состоит из вставленных одна в другую нескольких связок тростника:

⁴⁸ Извините за назойливость, но море вы заметили?

Я приводил уже этот рисунок в книге «Портрет слова» (говоря о чередовании эпох-эпонов). Но и в этой книге вы уже видели джед – на росписи, изображающей Изиду, слева от анха.

Чем это не полет бабочки? Сжатие – расширение – сжатие – и так далее. А что такое лобок-треугольник «Великой Богини», как не схематическое изображение взмаха крыльев бабочки, как не расширение из сжатия? В джеде вы видите серию таких треугольников, вставленных один в другой.

А что такое крест, как не чередование расширения и сжатия, если в него всмотреться? Ведь он пульсирует! Линии то разлетаются, то вновь сходятся в срединную точку.

И не напоминает ли все это также фонтан?

Вместе с тем джед – Мировое Древо.

Посмотрите на лист – не напоминает ли он дерево? Это послужило отправной точкой для Гёте в его поисках *Urpflanze*, прарастения, архетипического растения. Чтобы найти прарастение, нужно не столько думать, сколько смотреть.

Рудольф Штайнер в работе «Естественно-научные труды Гёте» пишет:

«Короче, в живом организме развитие одного из другого, переход друг в друга состояний не есть готовое замкнутое бытие отдельного, но суть постоянное становление. В растении это бытие каждого отдельного члена, обусловленное целым, выступает постольку, поскольку все органы построены по одному и тому же образцу.

17 мая 1787 года Гёте высказывает Гердеру эту мысль следующими словами: “Мне открылось, что в том органе растения, который мы обычно называем листом, лежит скрытым образом истинный Протей, который присутствует и может открыться во всех остальных обликах. Вперед и назад растение – это всего лишь лист, с которым так нераздельно связано будущее семя, что одно без другого немыслимо”.

<...>

Когда мы рассматриваем гётевское учение о метаморфозе в том виде, как оно было предложено в 1790 году, мы находим, что у Гёте это было понятием попеременного растяжения и сжатия. В семени растительное образование сжато (сконцентрировано) сильнее всего. С появлением листа происходит первое разворачивание, расширение образующих сил. То, что в семени было сжато в одну точку, пространственно разворачивается в листьях. В чашечке силы снова стягиваются к оси, в венчике происходит следующее разворачивание, тычинки и пестик образуются в результате следующего сжатия, плод образуется посредством следующего (третьего) расширения. Затем вся сила растительной жизни (принцип энтелехии⁴⁹) снова скрывается в высшей степени сжатом состоянии – в семени. Если бы мы могли в достаточной мере проследить все подробности хода мыслей Гёте о метаморфозе, вплоть до окончательного оформления их в виде статьи в 1790 году, то оказалось бы, что с понятием расширения и сжатия дело обстояло не так легко. Но мы не ошибемся, если посчитаем, что эта, глубоко укоренившаяся в духе Гёте, мысль уже в Италии была сплетена с понятием растительного образования. Поскольку содержание этих мыслей о большем или меньшем пространственном разворачивании, обусловленном образующими силами, заключается в том, что растение

⁴⁹ Энтелехия – целенаправленность как движущая сила, некое активное, нематериальное жизненное начало, превращающее возможность в действительность.

непосредственно предлагает глазу, то оно образуется легче всего, если попытаться делать зарисовки растений согласно законам естественного образования. В Риме Гёте нашел куст гвоздики, демонстрирующий принцип метаморфоза особенно ясно. Он пишет об этом: “Не видя никакого средства для сохранения этого удивительного облика, я попытался точно его зарисовать, и при этом я значительно продвинулся в своих взглядах на основное понятие метаморфоза”. Такие зарисовки, по-видимому, делались нередко, и это могло привести к понятию, о котором шла речь.

<...>

Гёте пытается в духе повторить то, что происходит в природе при образовании ее существ. 17 мая 1787 года он пишет Гердеру: “Далее я должен тебе сообщить, что я вплотную приблизился к тайне растительного зачатия и что это самое простейшее из того, что только можно себе представить. Прарастение – это удивительнейшее творение в мире, из-за которого мне должна завидовать сама природа. С этой моделью и ключом можно затем находить еще бесконечное множество растений, которые, если и не существуют, то могли бы существовать, и они не являются какими-нибудь художественными или поэтическими образами, но обладают внутренней истинностью и необходимостью. Тот же самый закон распространяется на все живое”».

Не правда ли, этот рисунок напоминает ассирийское Древо Жизни, которое мы уже видели? Напоминает он и древнеегипетского священного скарабея:

Сравните также, смеха ради, с гербом СССР (в котором, помимо прочего, есть и свой круг и крест – серп и молот):

Скарабей, по поверьям, рождается из песка (он действительно вылезает из песка). Скарабей катит шарик навоза с востока на запад, а затем зарывает его в землю (все это делается, конечно, для разведения потомства). Египтяне считали, что подобно тому, как земной скарабей катит навозный шарик, небесный скарабей катит Солнце. Священный скарабей – бог созидательной силы Солнца, а также возрождения в загробной жизни.

В одном из писем к Шарлотте фон Штейн Гёте пишет:

«Что мне в настоящее время дает наибольшую отраду – так это жизнь растений. Все само навязывается мне, мне нет необходимости думать об этом, все само идет мне навстречу, и все огромное царство

становится столь простым, что я тут же вижу ответ на наиболее сложные вопросы. Если бы я только мог сообщить свою догадку и радость кому-либо, но это невозможно. И это не греза и не причуда: я начинаю замечать существенную форму, которой, видимо, Природа постоянно играет и из которой она производит свое великое разнообразие».

Ну, а как Гёте связан с Изидой, это и зайцу в поле понятно: Фауст ищет Елену Прекрасную:

Своими ли глазами вижу я
Тебя, источник красоты волшебный?
Твоя ли жизни полная струя
Влилась мне в душу, как поток целебный?
Мой страшный поиск⁵⁰ дивный плод мне дал:
Весь мир мне был ничтожен, непонятен;
Теперь, когда твоим жрецом я стал,
Впервые он мне дорог, благодатен,
Незыблем, прочен! Лучше пусть лишусь
Дыханья жизни, чем теперь решусь
С тобой расстаться! Образ тот туманный,
Что мне в волшебном зеркале сиял, —
Был только отблеск твой непостоянный,
О красоты роскошный идеал!
Тебе всю жизнь, все силы мощной воли,
Мольбу и страсть безумную мою,
Мою любовь и нежность отдаю!⁵¹

И дальше:

У ног моих зияет бездна горная;
Всхожу я на вершину с думой светлою
И тучу покидаю, что несла меня
В дни ясные над морем и над сушею.
Не расплываясь, тихо отделяется,
Меня оставив, облако, и медленно,
Клубясь, оно к востоку вдаль уносится,
И взор за ним стремится с восхищением.
Плывет оно, волнуясь, изменяя вид,
И в дивное виденье превращается;
Да, это так: я различаю явственно
На пышном изголовье гор сияющих
Гигантский образ женщины божественной.
Юнона ль это, Леда ли, Елена ли?
Своим величьем взор она пленяет мой.
Увы! Она вдали уж расплывается,
Покоится бесформенной громадою,
Подобно льдистых гор верхам сияющим,

⁵⁰ «Страшный поиск» — вот и Гёте говорит об опасности этого пути.

⁵¹ Перевод Н. Холодковского.

И отражает смысл великий прошлых дней!

В гостях у Белой Богини

Мария Гимбутас в книге «Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы»⁵² рассказывает, в частности, о столбообразных могильных скульптурах. Это, условно говоря, «Белая Богиня» – богиня смерти. Белая – поскольку изготовлялась из белого материала, чаще всего из кости или из мрамора. Не случайно, конечно, но потому что белый цвет нередко выступает в обрядах как цвет смерти – как того, что становится невидимым, исчезает.⁵³ Эта «Белая Богиня» изображалась с большим ртом и крупными зубами, без груди, однако с большим лобковым треугольником: «Даже в смерти в них сохраняется обещание возрождения, ибо их чрево – вечный промежуток между небытием и новой жизнью».

Мария Гимбутас сравнивает эту богиню с немецкой фрау Холле – богиней зимы и смерти в немецких сказках:

«...старая уродливая ведьма с длинным носом, большими зубами и всклокоченными волосами... Ее сила заключена в зубах и волосах; по ее воле идет снег, восходит солнце и происходит возрождение природы. Раз в году она является в виде белой голубки, как благословение, приносящее плодородие. В виде лягушки эта самая Холле достает из колодца закатившееся туда во время сбора урожая красное яблоко, символ жизни».

Вы узнали, конечно, во фрау Холле – скарабея? А также Снежную королеву? И фрау Холле, и Снежная Королева – повелительницы снега, снежной стихии, снежной «первоосновы».⁵⁴

Похожа на фрау Холле и русская Баба-яга:

«Баба-яга может оборачиваться птицей или змеей; она высока ростом, тоща, у нее большой нос крючком и костяная нога, а живет она в избушке на курьих ножках. Анализ происхождения этого имени выявляет характерные черты доисторической богини. В древнерусском и сербскохорватском языках “баба” означает “женщина”, “старуха”... а “яга” (от уега) – “болезнь”, “страх”, “гнев”, что как раз указывает на Богиню смерти. В протосамоедском языке “nga” означает “Богиня смерти” или “Бог”».

«Великая Богиня» (термин, введенный Марией Гимбутас) дает и жизнь, и смерть. Есть изображения богини, в которой подчеркнута ее животворящая функция, есть изображения, в которых подчеркнута функция смерти (сравните с традиционным европейским изображением смерти как старухи с косой), есть изображения, в которых функции жизни и смерти объединены. Изображения эти – доисторические, из каменного века.

⁵² Книга совершенно не научная, как, впрочем, большинство гуманитарных «исследований». Ненаучность – не беда, неприятна лишь претензия на научность. Помимо того что в книге есть, тем не менее, интересный фактический материал, она примечательна тем, что ее взяли на вооружение феминистки и образовали на ее почве свою мифологию – мифологию Великой Богини. Якобы было в доисторическое время всеобщее и повсеместное почитание Великой Богини-Матери, а потом пришли нехорошие воинственные индоевропейцы со своим агрессивным мужским богом и все поставили с ног на голову. Не понимают, дурочки, что Афродита мерещится как раз мужчинам! А женщинам, по идее, должен мерещиться Аполлон! Тогда что получается? Кто пришел и все испортил? (Шутка).

⁵³ В романе Г. Мелвилла «Моби Дик» есть знаменитая глава «О белизне кита» – как раз обо всем об этом, подробно.

⁵⁴ У Мандельштама не только вода, но и снег может быть «первоосновой жизни». Например: «И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен». А также: Снег пахнет яблоком, как встарь. Мне хочется бежать от моего порога. Куда? На улице темно, И, словно сыплут соль мощеною дорогой, Белеет совесть предо мной.

А в те далекие времена, насколько можно судить как по современным племенам, ведущим первобытный образ жизни, так и по свидетельствам, сохранившимся в мифах, сказках и народных песнях, юноши повсеместно проходили обряд посвящения. То, что во всех племенах подростков собирали и уводили на обряд посвящения, общеизвестно и описано во множестве книг. Обряды проходили по-разному и с разной степенью жесткости, но схема одна: мальчик должен был как бы умереть и затем родиться заново. Он должен был вернуться в «первооснову жизни» (говоря словами Мандельштама), а затем воскреснуть в земном мире, почерпнув, взяв с собой из «первоосновы» ощущение единства жизни, всех жизненных связей. А также ощущение божества, к которому он в дальнейшем мог бы взывать и знаки которого, поданные ему лично, он мог бы впоследствии разбирать. Только после этого он считался пригодным к тому, чтобы успешно идти по жизненному пути и решать проблемы. Он считался взрослым: мог жениться и охотиться.

Достигалось это и символически, и практически.

Символически: во время обряда посвящения имитировалось погружение в «первооснову жизни»: мальчиков уводили в лес, заставляли погружаться под землю или под воду (в христианстве этот обряд остался как погружение в воду или поливание водой в момент крещения). При этом «первооснова» воспринималась не как материя, а как нечто живое, как «Первооснова» (с большой буквы), как божество. Поэтому, например, погружение в нее изображалось как поглощение, пожирание посвящаемого мифическим зверем, часто змеем (мальчики тогда, например, покрашенные в белый цвет – цвет смерти, проникали через изображение пасти змея в подземный туннель, проползали его и выходили наружу с другой стороны). Но вместо змея могла быть рыба, кит и т. п. (Змея, кстати, древний символ жизни. Она – водный и земляной-подземный зверь. Но еще и потому, что она способна сбрасывать шкуру, то есть возрождаться.)

Змеиная богиня, Готланд (Швеция)

Этот мифический зверь одновременно воспринимался как «Хозяйка зверей», как «Великая Богиня-Мать».⁵⁵ Человек входил в нее, чтобы заново от нее родиться (и стать хорошим охотником, получив власть над зверьми, научившись читать следы и разбирать приметы). Так произошло, например, с библейским Иосифом, которого братья бросили в глубокую яму, а потом продали торговцам, направлявшимся в Египет. Одежду Иосифа они пропитали кровью заколотого козла, чтобы их отец Иаков поверил в смерть Иосифа от хищного зверя. Иосиф же таким путем обрел мудрость и дар предвидения.

Вхождение человека в чрево «Великой Богини» воспринималось одновременно как поглощение человека богиней в качестве пищи и как половой акт: человек должен был сам себя зачать, чтобы родиться заново. (И отсюда христианская идея «непорочного зачатия» – отца-то при этом втором рождении нет. Да и у древнегреческих героев подчас есть только мать, а затем они отправляются на поиски отца. Собственно, герой – тот, кто прошел обряд посвящения, приобщился к миру богов, родившись заново. Например, у Тесея есть земной, «формальный» отец – Эгей, а есть божественный – Посейдон.) Иными словами, «Великая Богиня» – одновременно и жена, и мать человека. (Что и нащупал Зигмунд Фрейд, размышляя над придуманным им «Эдиповым комплексом».)

Клод Леви-Строс в книге «Путь масок» рассказывает об индейской Бабе-яге Дзоноква – людоедке-великанше, похитительнице детей:

«В более общем виде термин «дзоноква» обозначает класс сверхъестественных существ, чаще всего женских существ, но, каков бы ни был их пол, наделенных большими женскими грудями. Поэтому будем использовать это слово в женском роде. Дзоноква живут в самой чаще леса, это свирепые великаны, а также людоедки, похищающие у индейцев детей, чтобы съесть их. Вместе с тем они поддерживают с людьми двойственные отношения – то враждебные, то наделенные определенным сотрудничеством».

Вот одна из индейских историй о Дзоноква, которую приводит Леви-Строс:

«Людоедка похитила всех детей, которых она сперва ослепила, залепив им веки смолой. Мать исчезнувших малышей так сильно плакала, что из ее носа вытекла на землю сопля, из которой родился ребенок. Став большим, он отправился на поиски своих братьев, повстречал закопанную женщину, сообщившую ему, где людоедка спрятала свое сердце, чтобы быть неуязвимой. Под предлогом украсить герой убил ее, но она тут же воскресла. Наконец он совсем умертвил ее, оживил своих братьев и поднялся на небо».

Поскольку для зачатия в «Великую Богиню» должен войти сам человек целиком, посвящаемый воспринимается как фаллос. Таким он и изображается – как во время обряда, так и после. Например, во время обряда, бывает, у посвящаемых выдирают все волосы, а после обряда, как рассказывается в русских сказках, посвященный надевает на голову бычий пузырь и на вопрос, как его зовут, отвечает: «Плешь». (Сравните с безобразным выражением: «загнуть лысого» – какой-либо бабе.)

К символической стороне обряда относился рассказ (сопровождаемый показом – обрядовым действием) о божестве и о божествах, а также обучение магическим танцам и песням. И, конечно, принесение жертвы «Хозяйке зверей». Тут были варианты. В некоторых племенах убивали одного из мальчиков – и его кровью окропляли остальных. Так все посвящае-

⁵⁵ На изображении Астарты (богини любви и плодородия, но при этом и богини сражений) вы видели черепа под ее ногами.

мые становились единым существом, единым мифическим зверем, приобщались к «первооснове жизни». Убитого мальчика затем съедали. След этого обряда, конечно, очевиден в христианском причастии.

Монумент в честь Диониса на острове Делос, около 300 года до н. э. Сверху сами видите что, хотя и отломано, а под ним – петушок с фаллической головой

Вместо своего мальчика могли принести в жертву пленника или какое-либо животное. Смысл тот же: мы съедаем «Первооснову», «Хозяйку зверей» и приобщаемся таким образом к ней, к «Великой Богине», все вместе становимся ею. Поэтому, кстати сказать, Юрий Живаго жует ягоды рябины. (Интересный психологический момент: происходит жертвоприношение и поедание жертвы, а зверь ли поедает человек или человек – зверя, для обряда неважно.⁵⁶ Главное: все смешать воедино.) В древнегреческих Элевсинских мистериях резали свинью – и окропляли всех ее кровью. Что еще происходило во время этих мистерий, почти неизвестно, поскольку разглашение тайны сурово каралось. Элевсинские мистерии были посвящены богине Деметре – богине плодородия. Возможно, в самый ключевой момент мистерий, когда участники были приведены в исступленное состояние, про-

⁵⁶ Мы уже заметили это в отрывке из повести Льва Толстого «Казачи».

исходило срезание колоса (кстати, в подземной комнате). (Сравните со средневековой старухой-смертью, которая выходит косить людей, словно злаки.)

Практически: при обряде посвящения мальчиков старались привести в состояние транса, близкое к состоянию клинической смерти. Для этого их подвергали жестоким физическим испытаниям (настолько жестоким, что не все выживали, а некоторые, хотя и выживали, сходили с ума). Представьте себе, каково это, когда вырывают все волосы на голове. Или отрубают мизинец, или выбивают несколько зубов. Или когда надрезают кожу на спине, продевают под кожу ремни или палки – и подвешивают. Или когда связывают и кладут возле костра – освободиться возможно лишь после того, как огонь пережжет веревки на теле. Или когда в глаза втирают горячую кашу (сравните с ослеплением детей смолой в истории об индейской людоедке). Или когда нужно просидеть несколько дней под землей в помете. И тому подобное.

Тут надо заметить, что невозможно разделить символическую и практическую стороны обряда. Разрезание, всяческая порча тела посвящаемого – это что: средство для достижения транса или же символическое изображение поедания мифическим зверем, возвращение в «первооснову жизни»? То же можно сказать и о просиживании под землей, и о временном ослеплении, и обо всех остальных удовольствиях обряда посвящения. (А что это значит, что невозможно разделить символическую и практическую стороны? Может быть, это означает реальность «Великой Богини»?)

Для пущей уверенности в успехе обряда мальчиков опаивали всяческим зельем – из трав и грибов. Это тоже происходило повсеместно. Ну и на фоне транса, вызванного мучениями и зельем, им сообщали о божествах и обрядах, показывали священные предметы и действия. То есть сначала мальчики должны были добраться до иного мира, а затем им устраивали по этому иному миру экскурсию.

Схему обряда, как известно, хорошо сохраняют сказки. Возьмите, например, сказку про волшебную лампу Аладдина: мальчика уводит колдун-магрибинец, прикинувшийся его дядей (очень часто мальчиков на обряд уводил именно дядя), и помещает его в подземелье. И хочет оставить там Аладдина, то есть убить. Затем мальчику удастся выбраться из-под земли с помощью джинна, а кончается это все свадьбой и благосостоянием.

Как описанные ужасы обряда посвящения сохранились в русских народных сказках, вы можете прочесть в книге В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки»: и об уводе ребенка (или детей) в лес, и о вхождении в «избушку на курьих ножках» (которая есть то же самое, что мифический зверь, а вместе с тем и заветная дверь между миром живых и миром мертвых), как в избушке происходит встреча с Хозяйкой зверей (с Бабой-ягой, с белой богиней смерти, которая, опознав живого человека по его запаху: «фу-фу, русским духом пахнет», испытывает пришедшего, а затем оказывает ему помощь, чтобы он смог пройти в царство смерти, забрать оттуда, что ему надобно, и благополучно вернуться в мир живых), а также о всяческих оставшихся в сказках следах расчленения и оживления посвящаемого. Осел-Луций у Апулея, кстати, на протяжении своих злоключений то и дело подвергается угрозе разрезания или растерзания. И, конечно, то, что волк растерзал коня Ивана-царевича, а не самого царевича (о чем мы уже сообщали ранее), – это лишь смягченный вариант. Мы шутили, что волк – это его Муза. Но это не совсем шутка, если вспомнить судьбу Орфея, растерзанного менадами.⁵⁷

⁵⁷ Менады («безумствующие») – спутницы и почитательницы Диониса.

Аладдин в волшебном саду⁵⁸. Иллюстрация Макса Либерта

⁵⁸ Уоллес в рассказе Герберта Уэллса: «Таким образом, в один миг он очутился в саду...»

Альбрехт Дюрер. Смерть Орфея. 1494 год

В наших сказках тоже есть осел-Луций, это братец Иванушка, обернувшийся козленочком (сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»):

«Одному козленочку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

– Аленушка, сестрица моя!

Выплыви, выплыви на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа – зарежь да зарежь козленка».

В. М. Васнецов. Аленушка. 1881 год

И потом – happy end, level passed: «А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой». Вы узнаете, конечно, в Аленушке Изиду, которую Луций молил о помощи – тоже на берегу. Чтобы вернуться в человеческий облик, а не то зарежут.

Можно вспомнить и греческий миф об Актеоне, который во время охоты нечаянно увидел купающуюся в реке Артемиду. (Артемида – одновременно девственная богиня охоты, богиня-покровительница детей и детенышей и богиня луны. Узнаёте, конечно.)

Артемида. Вотивное изображение из слоновой кости

Культовыми животными Артемиды были лань⁵⁹ и медведица. Вместо того чтобы в священном страхе удалиться, Актеон, зачарованный, стал наблюдать. Заметив охотника, разгневанная богиня превратила его в оленя, который попытался убежать, но был настигнут и разорван собственными охотничьими собаками.⁶⁰ (Так-то вот, подглядывать за богиней! А мы с тобой, любезный читатель, чем занимаемся?)

⁵⁹ Что-то от Артемиды, как ни удивительно, есть и у пушкинской Татьяны из «Евгения Онегина»: Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой.

⁶⁰ По более ранней версии, Актеон был растерзан псами из-за того, что осмелился утверждать, будто он искуснее Артемиды в охоте.

В сказке Вильгельма Гауфа «Карлик Нос» мальчик Якоб, продавая с матерью на рынке овощи, неуважительно обращается со старухой-покупательницей, дразнит ее. Это, конечно, опрометчивый поступок, ведь у тети был «длинный-предлинный нос, который спускался до самого подбородка». Богиня гневается. Старуха просит отпустить мальчика с ней, чтобы он донес купленную капусту до ее дома:

«– Хорошо, хорошо, – проворчала она. – Пусть будет по-твоему. Я возьму у тебя эти шесть кочанов капусты. Но только у меня в руках костыль, и я не могу сама ничего нести. Пусть твой сын донесет мне покупку до дому. Я его хорошо награжу за это».

Костыль – это здесь вместо «костяной ноги». А вместо чего кочаны? Слабонервным лучше не читать дальше, здесь уж расчленение, так расчленение, можно даже сказать: расчлененка, не говоря уж о том, что мальчика еще и окуривают:

«– Садись, сынок, – ласково сказала старуха и усадила Якоба на диван, пододвинув к дивану стол, чтобы Якоб не мог никуда уйти со своего места. – Отдохни хорошенько – ты, наверно, устал. Ведь человеческие головы – не легкая ноша.

– Что вы болтаете! – закричал Якоб. – Устать-то я и вправду устал, но я нес не головы, а кочаны капусты. Вы купили их у моей матери.

– Это ты неверно говоришь, – сказала старуха и засмеялась.

И, раскрыв корзинку, она вытащила из нее за волосы человеческую голову.

Якоб чуть не упал, до того испугался. Он сейчас же подумал о своей матери. Ведь если кто-нибудь узнает про эти головы, на нее мигом донесут, и ей придется плохо.

– Нужно тебя еще наградить за то, что ты такой послушный, – продолжала старуха. – Потерпи немного: я сварю тебе такой суп, что ты его до смерти вспоминать будешь.

Она снова свистнула в свой свисток, и на кухню примчались морские свинки, одетые как люди: в передниках, с поварешками и кухонными ножами за поясом. За ними прибежали белки – много белок, тоже на двух ногах; они были в широких шароварах и зеленых бархатных шапочках. Это, видно, были повара. Они быстро-быстро карабкались по стенам и приносили к плите миски и сковородки, яйца, масло, коренья и муку. А у плиты суежилась, катаясь взад и вперед на своих кокосовых скорлупках, сама старуха – ей, видно, очень хотелось сварить для Якоба что-нибудь хорошее. Огонь под плитой разгорался все сильнее, на сковородках что-то шипело и дымилось, по комнате разносился приятный, вкусный запах. Старуха металась то туда, то сюда и то и дело совала в горшок с супом свой длинный нос, чтобы посмотреть, не готово ли кушанье.

Наконец в горшке что-то заклокотало и забулькало, из него повалил пар, и на огонь полилась густая пена.

Тогда старуха сняла горшок с плиты, отлила из него супу в серебряную миску и поставила миску перед Якобом.

– Кушай, сынок, – сказала она. – Поешь этого супу и будешь такой же красивый, как я. И поваром хорошим сделаешься – надо же тебе знать какое-нибудь ремесло.

Якоб не очень хорошо понимал, что это старуха бормочет себе под нос, да и не слушал ее – больше был занят супом. Мать часто стряпала для него всякие вкусные вещи, но ничего лучше этого супа ему еще не приходилось пробовать. От него так хорошо пахло зеленью и кореньями, он был одновременно и сладкий, и кисловатый, и к тому же очень крепкий.⁶¹

Когда Якоб почти что доел суп, свинки зажгли на маленькой жаровне какое-то куренье с приятным запахом, и по всей комнате поплыли облака голубоватого дыма. Он становился все гуще и гуще, все плотней и плотней окутывал мальчика, так что у Якоба наконец закружилась голова. Напрасно говорил он себе, что ему пора возвращаться к матери, напрасно пытался встать на ноги. Стоило ему приподняться, как он снова падал на диван – до того ему вдруг захотелось спать. Не прошло и пяти минут, как он и вправду заснул на диване, в кухне безобразной старухи.

И увидел Якоб удивительный сон. Ему приснилось, будто старуха сняла с него одежду и завернула его в беличью шкурку. Он научился прыгать и скакать, как белка, и подружился с другими белками и свинками. Все они были очень хорошие.

И стал Якоб, как они, прислуживать старухе. <...> Так Якоб прожил у старухи лет семь».

⁶¹ Супчик явно галлюциногенный.

Не случайно, конечно, в центре всего происходящего – еда.⁶² Это зашифрованное жертвоприношение.

Снится ли Якобу, что он превращен в белку или это на самом деле происходит? И то, и другое. Такая вот правдивая греза. Так обычно и поступает с человеком Хозяйка зверей. И вы видите, что она действительно амбивалентна: и плоха эта старуха, и хороша. С одной стороны, лишила родителей сына, превратила мальчика в белку (приобщила тем самым к животному миру, к «первооснове»). С другой стороны, Якоб через семь лет профессиональной подготовки стал настоящим мастером, чудо-поваром.

Якоб, превращенный в белку-повара. Иллюстрация Карла Оффтердингера (1829–1889)

⁶² В романе Пушкина «Евгений Онегин»: И, кстати, я замечу в скобках, Что речь веду в моих строфах Я столь же часто о пирах, О разных кушаньях и пробках, Как ты, божественный Омир, Ты, тридцати веков кумир!

Пираты, спасающиеся от Диониса и превращающиеся при этом в дельфинов. Человек с головой зверя (и к тому же расположенный головой вниз) – это человек, проходящий через обряд посвящения, обряд соединения с мифическим зверем.⁶³ Когда обряд посвящения был забыт, возникла сказка о Дионисе и пиратах (нужно же было как-то объяснить, почему они превратились в дельфинов). Интересно, что есть изображения Геракла, несущего двух побежденных им разбойников, подвешенных на шесте. Разбойники свисают кверху ногами по обе стороны от Геракла, причем то в виде людей, то в виде обезьянок. Геракл вообще такой: еще в детстве он задушил двух змей, подосланных Герой.

Может быть, и современному человеку нужен обряд посвящения? Может быть, такова потребность человеческой природы? Например: не хотелось ли тебе, любезный мой читатель, в детстве залезть в какую-нибудь норку, пещерку, шалашик? Мне, например, очень хотелось, и я в меру своих малых сил это осуществлял.

⁶³ Сравните в «Сказке о царе Салтане»: Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.